

Виталий Губарев

КОРОЛЕВСТВО
КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

Виталий Губарев

КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

Повести-сказки

МИНСК
„ЮНАЦТВА“
„РодПрессЛТД“

1992

ББК 84 Р7
Г 93

Текст печатается по изданию: Губарев В. Повести-сказки.—М.: Дет. лит.,
1972.

Художник С. Волков

Издание подготовлено совмест-
но с объединением
„РодПресс ЛТД“

Г $\frac{4803010201-042}{М 307 (03)-92}$ БЗ 107 - 92

ISBN 5-7880-0955-3

© Оформление. Издательство
«Юнацтва», 1990

КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой Оля ссорится с бабушкой и слышит
голос волшебного зеркала*

Хочу вам рассказать о девочке Оле, которая вдруг увидела себя со стороны. Увидела так, как можно видеть не себя, а совсем другую девочку — скажем, сестру или подругу. Таким образом, она довольно долго наблюдала самоё себя, и это помогло ей избавиться от недостатков, которых раньше она в себе не замечала.

И знаете, что самое главное в этой истории? Оля убедилась, что даже, казалось бы, маленькие недостатки характера могут стать серьёзным препятствием на пути к цели. Она попала в одну сказочную страну, где ей пришлось пережить много опасных приключений, подобных тем, о которых она читала в старых сказках. Может быть, вы тоже читали эти старые сказки, где короли, разные принцы и придворные дамы

так добры, справедливы, прекрасны и вообще так приторно сладки, будто вымазаны мёдом. И вот однажды советская девочка Оля совершила путешествие в сказочную страну и увидела там... Впрочем, я лучше расскажу вам всё по порядку.

...В то утро Оля вела себя из рук вон плохо. Она встала позже, чем следовало, а когда бабушка будила её, брыкалась и, не открывая глаз, говорила противным, скрипучим голосом:

— Отстань! Ну что ты ко мне пристала?

— Оля,— настойчиво говорила бабушка,— ты можешь опоздать в школу.

Голос у бабушки был спокойный и ласковый, потому что все бабушки очень ласковы. Они так любят своих внучек, что не сердятся даже тогда, когда капризные девочки говорят им дерзости.

— Опять читала в постели допоздна,— вздохнула бабушка, поднимая упавшую на пол книгу, на обложке которой было крупно написано: «Сказки».— А теперь вот подняться не можешь.

Оля села на кровати, свесив босые ноги, и сердито посмотрела на бабушку одним глазом, так как другой всё ещё был закрыт.

— Какая ты... недобрая... Никогда поспать не даёшь!

Олино платье оказалось под кроватью. Одну туфлю она долго не могла отыскать и наконец обнаружила её под книжным шкафом.

Потом, когда бабушка заплетала ей косы, она дёргалась и говорила: «Больно!», хотя на самом деле больно ничуть не было.

А после завтрака Оля никак не могла найти свои учебники.

— Вчера я положила их на этот стол. Куда ты задевала их? — ворчала она на бабушку, топая ногой.

— Я никогда не теряю своих вещей,—

спокойно отвечала бабушка.— Будь любезна и ты класть вещи на место.

— Нет,— кричала Оля,— я всегда кладу всё на место! Это ты нарочно спрятала мои книги.

Тут даже бабушкиному терпению пришёл конец, и она, немного повысив голос, проговорила:

— У, бесстыдница! Как только папа и мама вернутся с работы, я им всё расскажу.

Угроза подействовала: Оля побаивалась папы и мамы. Она негромко проворчала: «Подумаешь!..»— и, надув губы, полезла под кровать. Конечно, под кроватью книг не оказалось; не оказалось их и в ванной и в кухне. Неизвестно, сколько времени продолжались бы поиски, если бы бабушка не заглянула в Олин портфель.

— Видишь, какая ты рассеянная, Оля! Ведь ты же сама вчера положила все свои учебники к себе в портфель. О, как бы я хотела, чтобы ты посмотрела на себя со стороны! Вот стыдно тебе стало бы...

Оля, которой уже и так было стыдно, что она понапрасну обидела бабушку, чмокнула старушку в щёку, взяла портфель и пошла в переднюю одеваться. В передней стояло большое зеркало, перед которым она так любила вертеться.

— Одевайся поскорее, Оля! — крикнула ей вслед бабушка.— До звонка осталось десять минут.

Но Оля и не думала одеваться. Из зеркала на неё смотрела девочка в чёрном переднике, с красным галстуком на шее. Девочка как девочка — две русые косы с бантом и два больших голубых глаза. Но Оля считала себя очень красивой и поэтому, очутившись перед зеркалом, долго не могла оторваться от него. Так было всегда.

— Как, ты ещё не ушла? — вскрикнула бабушка, появляясь в передней.— Нет уж, сегодня я непременно расскажу всё папе и маме!

— Подумаешь!..— ответила Оля и начала одеваться.

— Учишься в пятом классе, а ведёшь себя, как маленькая. Ох, если бы ты могла посмотреть на себя со стороны!

— Подумаешь!..— повторила Оля, помахала бабушке рукой и, ещё раз украдкой взглянув на себя в зеркало, скрылась за дверью...

В этот день Оля вернулась из школы злая-презлая: она поссорилась с подругами. Вообще она частенько ссорилась с подругами и почти всегда была виновата во всём.

— Какая ты капризная! — сказали ей подруги.— Больше мы не будем с тобой дружить!

— Подумаешь!..— выпятила Оля нижнюю губу и сделала вид, что нисколько не огорчена. Но на самом деле на душе у неё было прескверно.

Кончался декабрь, на улице темнело рано. А так как после школы Оля не могла удержаться от соблазна заглянуть в кино, где шла новая картина, то когда она пришла домой, в морозном небе уже светились звёзды. И тут, к своему ужасу, Оля увидела, что на лестнице не горят лампы. А темноты она боялась больше всего на свете.

Пугаясь шума собственных шагов, Оля стремительно взбежала на свой этаж и подняла такой звон, что у бабушки тряслись руки, когда она открывала дверь.

— Что случилось? — испуганно спросила старушка.— А где твой ключ?

— Бабунечка, я потеряла свой ключ,— тяжело дыша, сказала Оля.

Бабушка всплеснула руками.

— Это уже в третий раз! Ну что теперь делать? Свой ключ я отдала слесарю домоуправления. Ах, Оля, Оля, какая ты растеряшка! Беги к слесарю, он, наверно, уже сделал новый ключ.

— Бабунечка... на лестнице так темно... Наверно, перегорели пробки.

— Боишься?

— Я просто... не люблю темноты...

— Ах ты, трусишка! Ну ладно уж, схожу сама.— Бабушка оделась, погрозила Оле пальцем: — Шоколадку в буфете до обеда не трогай! — и скрылась за дверь.

Оля стала раздеваться на ходу. В одном месте она оставила калоши, в другом — шапочку, в третьем — пальто. Затем, после небольших колебаний, она достала из буфета шоколадку и съела её. Ей было скучно. Она взяла книгу, на обложке которой было написано: «Сказки», и начала листать её. Одна картинка привлекла внимание Оли. С высокого холма открывался вид на удивительный город со множеством разноцветных зданий с высокими шпилями. Нарядные люди гуляли на площади вокруг фонтана. «Вот бы и мне погулять там!» — подумала Оля и вдруг услышала какой-то странный звон в передней.

Она побежала в переднюю. Но всё было тихо.

«Наверно, слышалось», — подумала Оля и, бросив взгляд на зеркало, как обычно, начала вертеться перед ним.

Она оглядела себя с головы до ног, несколько раз повернулась кругом, потом сощурила глаза и высунула язык. Потом Оля рассмеялась и начала выбивать ногами дробь.

И тут ей показалось...

Нет, этого не может быть! Чутко прислушиваясь, Оля снова стукнула каблуками об пол и теперь уже вполне отчётливо разобрала, как в глубине зеркала стеклянным мелодичным звуком отозвалось эхо. Да, эхо отозвалось в зеркале, в той самой передней, которая в нём отражалась, а не в той, настоящей, в которой стояла Оля.

Это было так странно, что Оля онемела, широко открыв свои голубые глаза. И в тишине она

ясно услышала, как кто-то вздохнул длинно и печально. Оле стало страшно... Она выждала минуту и негромко спросила:

— Кто это вздыхает?

— Я,— негромко ответил красивый звенящий голос, словно ударились друг о дружку хрустальные стёклышки.

— Кто ты? — перевела дыхание Оля.— Здесь никого нет.

— Это я, зеркало,— снова зазвенел голос.

Оля отскочила в сторону и, помедлив, сказала:

— Но ведь вещи не умеют разговаривать...

— А ты представь, что находишься в сказке,— ответил голос.

— Всё равно это очень странно... Я боюсь тебя, зеркало.

— Напрасно, девочка... Я доброе волшебное зеркало. Я не причиню тебе никакого зла. Не правда ли, я тебе нравлюсь? Ты так любишь смотреть в моё стекло!

— Это правда,— сказала Оля, осмелев и делая шаг к зеркалу.

А голос звучал:

— Бабушка часто говорит, что хотела бы, чтобы ты увидела себя со стороны...

— Но разве это возможно? — удивилась Оля.

— Ну, конечно, возможно. Только для этого тебе нужно побывать по ту сторону зеркала.

— Ах, как интересно! — воскликнула Оля.— Разреши мне, пожалуйста, побывать по ту сторону зеркала!

Голос ответил не сразу, как будто зеркало погрузились в задумчивость.

— С твоим характером,— произнёс наконец звенящий голос,— опасно очутиться по ту сторону зеркала.

— Разве у меня плохой характер?

Снова раздался вздох.

— Видишь ли, ты, конечно, хорошая девоч-

ка... Я вижу хорошие глаза — значит, и сердечко у тебя хорошее. Но у тебя есть недостатки, которые могут помешать тебе в трудную минуту!

— Я ничего не боюсь! — решительно махнула косичками Оля.

— Что ж, пусть будет по-твоему, — произнёс голос.

И передняя вдруг наполнилась звоном, словно разбились тысячи хрустальных стекляшек. Оля вздрогнула, и книга, которую она держала под мышкой, полетела на пол.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой Оля знакомится со своим отражением и попадает в сказочную страну

Хрустальный звон всё усиливался. По гладкому стеклу зеркала побежали голубые волны. С каждой секундой они становились всё голубее и голубее, и теперь уже зеркало ничего не отражало.

Затем голубые волны рассеялись, словно туман, и хрустальный звон затих. Оля снова увидела в зеркале переднюю и своё отражение. Однако стекло исчезло. Осталась только одна рама от зеркала, через которую — Оля отчётливо почувствовала это — повеяло ветерком.

Набрав в лёгкие воздуха и зажмурив глаза, будто она собиралась нырнуть в воду, Оля быстро подняла ногу, переступила через раму и, столкнувшись с кем-то, полетела на пол. Она схватилась за ушибленный лоб, открыла глаза и села.

Перед ней, схватившись за лоб, сидела девочка с русыми косами и большими голубыми глазами.

— А ведь мы обе виноваты, что столкнулись, — сказала девочка, смущённо улыбаясь. — Ты слишком быстро сделала шаг вперёд. И я сделала шаг вперёд. Ведь я привыкла де-

лать то же, что и ты! Я не догадалась сразу, что теперь мне нужно уступать тебе дорогу.

— Ничего, мне не очень больно,— проговорила Оля, потирая лоб,— только, наверное, вскочит шишка.

— Там, в своей передней, ты обронила книжку,— сказала девочка Оле,— вот она.

И девочка протянула книгу, на которой было написано: «икзакС». Оля усмехнулась и внимательно оглядела отражённую переднюю, в которой находилась. Всё в ней было наоборот. То, что дома стояло справа, здесь оказалось слева, а то, что там стояло слева, здесь оказалось справа.

Вдруг хрустальный звон привлёк её внимание. Оля увидела, что в зеркальной раме снова появились голубые волны. Она торопливо подбежала к зеркалу, но его поверхность уже успокоилась. Оля прислонила к зеркалу лоб и почувствовала холодок стекла. «Как же я теперь попаду домой?» — подумала она. Ей вдруг стало тревожно и грустно. Она видела в зеркале переднюю своей квартиры, которая была так близко и в то же время так далеко теперь. Какой милой ей показалась эта передняя! Вон на полу лежит её любимая книга, на которой написано: «Сказки». А вон на вешалке висит папино летнее пальто, которое мама вынула из сундука, чтобы оно проветрилось: от пальто пахло нафталином.

Оля оглянулась.

Здесь, в отражённой передней, тоже висело пальто, такое же, как у папы, но сколько Оля ни тянула носом воздух, она не почувствовала запаха нафталина.

— Я не хочу здесь оставаться,— сказала Оля и сердито посмотрела не девочку.— Я хочу домой.

— Нельзя,— серьёзно проговорила девочка, поднимаясь с пола.— Голубые волны не могут появляться так часто.

— А если я... разобью стекло?

— Тогда будет ещё хуже. Ты на всю жизнь останешься по эту сторону зеркала.

Слёзы брызнули из Олиных глаз и закапали на пол. Дзинь, дзинь! — зазвенели слезинки; ударившись об пол, они превращались в стёклышки и разбивались на сотни крошечных частей.

— Зачем же ты огорчаешься? — ласково заговорила девочка.— Нам с тобой не будет скучно.

— Как тебя зовут? — всхлипывая, спросила Оля.

— Меня зовут Яло. А тебя зовут Оля?

— Правильно! — воскликнула удивлённая Оля.— Как ты узнала?

— Это очень просто. Ведь я твоё отражение. Значит, имя у меня такое же, как у тебя, только наоборот. Оля наоборот будет Яло. Видишь, у меня всё наоборот: у тебя родинка на правой щеке, а у меня на левой.

— Это очень забавно,— улыбнулась Оля сквозь слёзы.— Если ты моё отражение, значит, ты...

— Что?

— Ты не обидишься, если я тебя спрошу?

— Конечно, нет,— ответила девочка.— Что тебя интересует?

— Если ты моё отражение — значит, ты должна быть левшой?

— Так и есть. Я всё делаю левой рукой. И это значительно удобнее, чем правой.

— Здесь всё очень смешно,— сказала Оля и вдруг поёжилась.— Скажи, пожалуйста, откуда так сильно дует?

— Не знаю,— пожала плечами Яло и вдруг указала на книгу.— Посмотри, страницы твоей книжки шевелятся.

Девочки склонились над книгой, страницы которой действительно трепетали под ветром. Откуда он? Оля открыла книгу как раз на той странице, где был нарисован сказочный город с

разноцветными домами со шпилями. Как это ни странно, но ветер дул с этой картинки!

— Bravo! — вдруг захлопала в ладоши Яло.— Оля, давай погуляем по этому городу.

Олины глаза от изумления расширились.

— Ты в своём уме? Это же... книга. Картинка такая маленькая.

Яло, посмеиваясь, приставила открытую книгу к стене, и картинка вдруг на глазах у девочек выросла до самого потолка.

Оля тихонько ахнула.

— По эту сторону зеркала всё может быть,— сказала Яло.— Ты ведь попала в сказку, Оля. Пойдём посмотрим город, а завтра ты вернёшься домой.

— Завтра?! — с ужасом вскрикнула Оля.— Да знаешь ли ты, что будет делаться дома? Меня будет разыскивать вся городская милиция... А мама, наверно, подумает... Бедная мамочка, она подумает, что я попала под трамвай, потому что я всегда очень неосторожно перехожу улицу!

— Ты напрасно беспокоишься. Дома никто и не заметит, что тебя нет. Даже если ты пробудешь здесь целую тысячу лет! Когда бы ты ни вернулась обратно, ваши часы будут показывать тот же час, ту же минуту и даже ту самую секунду, когда ты переступила через раму. Вот посмотри-ка на часы!

Оля подняла голову и увидела на стене часы точно такие, какие висели дома в передней. Только циферблат на этих часах был нарисован наоборот и стрелки двигались не вперёд, а назад.

— Ну, если так, тогда пойдём! — рассмеялась Оля.

Девочки взяли за руки и, обдуваемые лёгким ветерком, без всякого труда вошли в нарисованный сказочный город.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой Оля путешествует по сказочному городу и убеждается, что не всё то золото, что блестит

Девочки вышли на вершину холма, с которого открывался удивительный вид. У их ног начиналась огромная стеклянная лестница. Она уходила далеко вниз, и там, внизу, у её подножия раскинулся город. Он был весь из разноцветного стекла, и его бесчисленные башни и шпили отражали солнце и слепили глаза.

Держась за руки, Оля и Яло начали спускаться по лестнице. Ступени, словно струны, зазвенели под их ногами. По бокам лестницы стояли широкие зеркала. Заглянув в одно из них, Оля увидела двух очень толстых и широколицых девочек.

— Неужели это мы? — растерянно спросила она.

— Да. Кажется, мы.

Девочки достигли подножия лестницы и остановились. Перед ними расстилалась площадь, которую окружали красивые дома из жёлтого, красного, синего, зелёного и белого стекла. Красивые дамы в длинных шёлковых платьях и кавалеры в расшитых золотом пышных костюмах гуляли вокруг фонтана, из которого высоко в небо взлетали прозрачные струи. Падая на землю, эти струи превращались в стекло, разбивались на миллионы сверкающих осколков и наполняли воздух музыкальным звоном. От фонтана веяло приятной прохладой. Всё искрилось в ярком солнечном свете.

Там и тут по площади проезжали коляски с какими-то важными и надутыми людьми. Звонко стучали по мостовой подковы лошадей. И повсюду на площади, так же как и на лестнице, были расставлены кривые зеркала.

Оля и Яло с любопытством рассматривали

необыкновенных людей. Вот мимо прошёл высокий худой старик в парчовом камзоле и в чёрных чулках, обтягивающих его тонкие ноги.

— Дедушка,— обратилась к нему Оля,— скажите, пожалуйста, как называется эта страна?

— Я не дедушка! — сердито огрызнулся прохожий.— Я церемониймейстер его величества короля Топседа Седьмого. Противные девчонки! Разве вы забыли, что наша страна называется Королевство кривых зеркал?

Высоко вздёрнув голову, надменный старик удалился. Девочки переглянулись, едва сдерживая смех.

— Яло, он сказал, что короля зовут Топсед,— соображала Оля.— Если здесь, как ты сказала, всё наоборот, значит, он... Деспот?

— Деспот, Оля!

— Вот какой это король!

Девочки обогнули площадь и вошли в маленький, тесный переулочек. Чем дальше они шли по этому переулочку, тем ниже и беднее становились дома. Вот перед ними стена длинного строения из чёрного стекла, освещённая изнутри какими-то мерцающими огнями. Из широкой двери клубами вырывался дым.

— Там, кажется, пожар?! — воскликнула Оля.

Они вошли в дверь и спустились по скользким ступеням в подвал.

— Как трудно дышать! — закашлялась Яло, прикрывая рукой рот.

Девочки увидели тёмное, наполненное дымом помещение.

В полумраке вспыхивали огни каких-то печей. Едва различимые в дыму, как призраки, двигались полуобнажённые мужчины и юноши, занятые непонятной работой. Они были худы и измучены.

И вдруг жалобный крик раздался в мастерской. Худенький подросток, покачнувшись, упал

на землю. И сейчас же к нему подошёл человек в разноцветной одежде, с кнутом в руке.

— Опять этот Гурд не хочет работать! — сказал человек.

И Оля услышала, как в воздухе свистнул кнут.

Раз! Кнут опустился на обнажённую спину мальчика, оставив на ней красную полосу. Мальчик даже не пошевелился: он был без сознания. Человек снова взмахнул кнутом, но тут Оля бросилась вперёд и, задыхаясь от волнения, крикнула:

— Что вы делаете? Не смейте! Вы же убьёте его!..

Человек повернул к девочке разъярённое лицо.

— Я главный надсмотрщик министра Нушрока! Кто смеет делать мне замечания?

— Неужели вам не жаль его? — задыхаясь, проговорила Оля.— Смотрите, какой он слабый и маленький.

— Отойди прочь! Иначе, клянусь королём, тебе придётся плохо, девчонка!

Вокруг Оли и надсмотрщика столпились зеркальщики. Они смотрели на Олю с такой благодарностью, что это придавало ей смелость.

— Вы не должны его бить! — твёрдо сказала Оля.— Посмотрите, посмотрите, он, кажется, уже умер... Помогите ему!..

— Вынесите это чучело на воздух! — крикнул надсмотрщик.— Не думаешь ли ты, девчонка, что министр Нушрок станет беспокоить королевского врача ради этого мешка с костями?

Мальчика подняли, вынесли на руках из подвала и положили на мостовую лицом к солнцу. Веки его слабо задрожали.

— Ну вот, я же говорил, что мальчишка притворяется! Он просто не хочет работать! — прорычал надсмотрщик.— Нет, Гурд, теперь тебе уже не миновать королевского суда!

Кто-то тронул Олю за локоть. Она оглянулась и увидела бледную Яло, протиснувшуюся сквозь толпу.

— Сумасшедшая! — взволнованно зашептала Яло.— Бежим скорее отсюда! Я так боюсь этого человека с кнутом!

— Я никуда не пойду, пока не узнаю, что будет с мальчиком,— упрямо тряхнула косичками Оля.

Раздался звон подков.

— Кажется, катит Нушрок,— тихо проговорил сгорбленный старик с глубокими морщинами на лице.

Оля шёпотом спросила его:

— А что здесь надо Нушроку?

Он взглянул на неё удивлённо.

— Вы, девочки, наверно, чужестранки? Нушрок — хозяин всех зеркальных мастерских в нашем королевстве... Вот и этих мастерских. Мы делаем здесь наводку зеркал. Видишь, какие мы все худые? Это оттого, что мы отравлены ртутными парами. А посмотри-ка на наши руки. Видишь, они покрыты язвами. Это потому, что мы отравлены ртутью. Скупой Нушрок не хочет заменить оловянно-ртутную амальгаму серебром. Серебро ему дороже, чем жизнь людей!

— Нушрок — это значит Коршун! — тихонько пояснила Яло.

— Тише!..— прошептал старый рабочий.— Он подъезжает. Не смотрите ему в глаза, девочки! Его взгляда никто не выдерживает.

На вороных лошадях в толпу въехали стражники с длинными копьями. Все торопливо раступились.

А ещё через несколько секунд к мастерским подкатила сверкающая карета. Слуги распахнули дверцы, и Оля увидела выглянувшего из кареты человека, лицом похожего на коршуна. Нос у него был загнут книзу, словно клюв. Но нос поразил её. Девочка вздрогнула, увидев гла-

за Нушрока. Чёрные и хищные, они словно пронизывали всех насквозь. Оля заметила, что с Нушроком никто не хочет встречаться взглядом и все смотрят в землю.

Хищные глаза министра медленно осмотрели толпу, скользнули по неподвижному лежащему мальчику и остановились на надсмотрщике.

Надсмотрщик опустил голову и снял шляпу.

— Что случилось? — пискнул человек с лицом коршуна.

Оля подумала, что голос у него такой же противный, как и глаза.

— Гурд снова не хочет работать, господин министр,— почтительно проговорил надсмотрщик, не поднимая глаз.

Гурд вдруг застонал и приподнялся, опираясь на руки.

Министр страшным, немигающим взглядом уставился на мальчика.

— Почему ты не хочешь работать?

— Господин министр,— еле слышно прого-

ворил мальчик,— я голоден... Мне трудно работать.

— Ты лжёшь! Каждый день ты получаешь хороший ломоть хлеба.

— Какой же это ломоть, господин министр? Это совсем маленький кусочек, величиной со спичечную коробку. Я отдавал его своей больной матери,— тихо, но горячо говорил Гурд. Он с трудом поднялся на ноги, покачнувшись, опёрся рукой о стенку.— У меня оставалась только крошка хлеба... Вот она, на моей ладони. Видите? Я берёг её к вечеру.

— Ах, как изолгался народ! — покривил губы Нушрок.— Это, по-твоему, крошка? Ну-ка, поднеси её к зеркалу...

В чёрном развевающемся плаще Нушрок вдруг выскочил из кареты и подтолкнул мальчика к кривому зеркалу, одному из тех, которые повсюду стояли в этом странном городе.

— Подойди поближе к зеркалу! — завизжал Нушрок, брызгая слюной.— Что ты видишь в зеркале, мальчишка? Ну?

Оля увидела в зеркале толстого мальчика с огромной булкой в руке.

— В зеркале видна целая булка! — усмехнулся надсмотрщик.

— Целая булка! — вскрикнул министр.— И после этого ты говоришь, что тебе нечего есть?

Гурд внезапно выпрямился. Его усталые глаза блеснули.

— Ваши зеркала врут! — гневно проговорил он, и его щёки даже слабо порозовели.

Гурд нагнулся, подхватил с земли камень и с силой швырнул его в зеркало. С весёлым звоном осколки стекла посыпались на мостовую. Толпа ахнула.

— Я рад, что разбил это кривое зеркало! Хоть одним лживым зеркалом будет меньше на свете! Вы для того и расставили по всему городу эти проклятые зеркала, чтобы обманывать

народ! Только всё равно вашим зеркалам никто не верит! — выкрикивал Гурд в лицо Нушроку.

— Взять его! — завизжал Нушрок. — В Башню смерти!

Два стражника подхватили мальчика и потащили по переулку.

— Прощай, Гурд! — крикнул кто-то. — Прощай, мальчик!

— Братья! — раздался другой голос. — Долго ли мы будем ещё терпеть всё это?!

Кто-то в толпе запел, и песню подхватили десятки голосов:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает.
Но знайте, наши палачи,
Всё ярче Правда расцветает!

Нас ждут великие дела,
Вы нашей Правде, братья, верьте!
Долой кривые зеркала!
Сожжём, разрушим Башню смерти!

— Прекратить!.. — бесновался Нушрок, бегая от одного к другому.

Полы плаща, словно чёрные крылья, метались за его спиной.

Наклонив копья, стражники ринулись на зеркальщиков и оттеснили их в подвал.

Нушрок нырнул в карету и махнул перчаткой. Дверцы захлопнулись, лошади рванулись, и окружённая стражей карета со звоном укатила. На улице остались лишь девочки да одинокий стражник у входа в мастерскую.

— Скажите, зачем этого несчастного мальчика отвезли в башню?

Высокий стражник посмотрел на Олю сверху вниз, усмехнулся:

— Как — зачем? Смешная ты девчонка. Как только королевский суд вынесет приговор, мальчишку сбросят с Башни смерти, и его тело разобьётся на тысячи осколков.

Оля вскрикнула:

— А кто может отменить этот приговор?

— Только сам король. Но он никогда не отменяет приговоров своего суда.

Яло потянула Олю за рукав.

— Оставь его, Оля. Нельзя быть такой неосторожной. Ещё немного, и мы попали бы с тобой в большую беду.

Оля взяла Яло за руку.

— Пойдём, Яло!

— Куда?

— Во дворец короля.

— Что-о?..

— Я не успокоюсь до тех пор, пока Гурд не будет свободен!

— Гурда больше ничего не спасёт. Ты слышала, что сказал стражник?

— Всё равно мы пойдём во дворец короля! Его надо спасти, Яло! Обязательно!

— Но тебя... тоже могут казнить.

— Всё равно! Идём!

Яло смотрела на Олю округлившимися от изумления глазами. Яло не подозревала в ней столько решимости и бесстрашия. Ведь она, Яло, частенько видела Олю и ворчливой, и капризной, и такой ленивой, что даже становилось скучно её отражать.

Почему же сейчас такой смелостью сверкают глаза Оли?

Читатели, конечно, догадались почему. Потому что, несмотря на свои недостатки, Оля была пионеркой. И теперь она была полна только одним чувством — тревогой за жизнь угнетённого мальчика.

— Пойдём! — повторила Оля.

— Что ж, — вздохнула Яло, — пойдём.

Девочки пошли по переулку.

— В этой стране так много блеска, — помолчав, сказала Оля. — Сначала мне здесь даже понравилось. Но, видно, бабушка права, когда говорит, что не всё то золото, что блестит!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

в которой Оля и Яло попадают во дворцовую кухню

На небе уже искрились звёзды, когда Оля и Яло добрались до королевского дворца. В залах дворца горели свечи, и его хрустальные стены и окна переливались всеми цветами радуги. За дворцовой оградой звенели фонтаны, а на деревьях сладко пели невидимые птицы.

— Как красиво! — вздохнула Оля. — Но как тяжело живётся людям в этой стране!

— Вон, наверно, главный вход во дворец, — сказала Яло, показывая на решётчатые ворота. — Только нас с тобой во дворец всё равно не пустят... Да я больше и не могу идти. Я сильно натёрла себе ногу.

— Какую? — спросила Оля.

— Левую.

— А я правую... Как удивительно!

— Ничего удивительного нет, — проворчала Яло, — ведь я твоё отражение. И должна тебе сказать, что отражать тебя не очень-то приятно.

— Вот так? — рассердилась Оля. — В таком случае я тоже должна тебе кое-что сказать. Меня очень удивляет, что ты моё отражение, а нисколько на меня не похожа!

— Не похожа? Чем же это? Разве тем, что я левша и родинка у меня на левой щеке, а не на правой?

— Не в родинке дело. Я заметила, что ты... не обижайся, пожалуйста, Яло... что ты труслива. Но это я простила бы тебе, если бы в твоём характере не было ещё одной черты...

— Скажите, пожалуйста, она бы простила мне! Ты говоришь со мной так, будто бы я у тебя в подчинении. Хотя я и твоё отражение, не забывай, что я такая же девочка, как и ты. Интересно, какая это у меня ещё неприятная чер-

— Ты можешь оставить человека в беде, Яло. Неужели тебе не жалко Гурда?

Яло помолчала.

— Прости меня, Оля,— в смущении заговорила наконец Яло.— Я не понимаю, почему я такая... Мне очень хочется быть хорошей, но, как я ни стараюсь, у меня ничего не получается. Ты знаешь, о чём я даже думала? О том, что эти мои недостатки — это твои недостатки. Но теперь я вижу, что ты такая добрая. Тут, верно, какая-то ошибка.

Оля почувствовала, как горячо стало её щекам. «Бедная Яло,— подумала она,— никакой ошибки тут нет. Ты привыкла отражать мои недостатки и никак не можешь от них избавиться. Когда заболела одна девочка из нашего класса и мы пошли навестить её, я всю дорогу ныла, что она живёт очень далеко. Я думала не о больной подруге, а только о себе самой. Вот так же, как Яло теперь!»

Оля положила руку на плечо Яло и тихо сказала:

— Знаешь, Яло, о чём я вдруг подумала, когда увидела Гурда? Я подумала, что настоящая пионерка не может заботиться только о себе, когда другие нуждаются в её помощи.— Она порывисто протянула спутнице руку.— Давай больше никогда не будем ссориться, Яло! Я знаю, что ты хорошая девочка и непременно освободишься от своих недостатков. Нужно только по-настоящему захотеть! Я это знаю по себе...

Прихрамывая одна на левую, а другая на правую ногу, девочки подошли к дворцовым воротам. Два стражника скрестили перед ними алебарды.

— Уважаемые стражники,— сказала Оля,— нам очень, очень нужно видеть его величество короля Топседа!

— Что-о-о?..

Стражники расхохотались так громко, что девочки испуганно отскочили в сторону.

— Девчонки, кажется, рехнулись! — сказал один из них.

— А ну-ка, проваливайте подобру-поздорову! — взмахнул алебардой другой.

Девочки побрели вдоль ограда.

А дворец сверкал. Из распахнутых окон доносились музыка и весёлые голоса. Было видно, как в огромном зале кружатся танцующие пары. Должно быть, король давал во дворце бал.

— Я говорила тебе, что нам во дворец не попасть,— вздохнула Яло, со страхом оглядываясь на стражников, которые всё ещё громко смеялись.

Оля стиснула ей руку.

— Никогда не нужно терять надежды, Яло! Так говорил мне папа. Только раньше я как-то не задумывалась над этими словами.

— Никакой надежды больше нет. Я очень устала. У меня болит нога, и я хочу есть,— хныкала Яло.

— Давай попробуем обойти вокруг дворца и найти другой вход.

— Это значит, нам придётся пройти ещё несколько километров!

— Пусть даже сто километров! Мы должны сделать всё, чтобы спасти Гурда! — сказала Оля и подумала: «Вот как же ныла и я, когда шла с девочками к больной подруге. Как была права бабушка, когда говорила, что мне нужно посмотреть на себя со стороны!.. И вот теперь я смотрю на себя со стороны. Какой стыд!..»

Яло начала отставать.

— Больше я не могу идти,— жалобно простонала она и села на землю.

— Яло, милая, ну потерпи ещё немного!

— Не могу.

Из глаз Яло закапали слёзы и зазвенели о плиты мостовой.

В это время мимо девочек проезжала какая-то подвода, покрытая блестящим брезентом. Две мужские фигуры виднелись наверху. Девочки слышали, как глуховатый голос сказал:

— Послушай, приятель, неужели король всё это съест один? — И человек похлопал по брезенту рукой.

— Наш король на аппетит не жалуется, — ответил другой голос, и оба рассмеялись.

— Что это везут? — спросила Яло.

— Кажется, провизию во дворцовую кухню, — ответила Оля и вдруг оживилась: — Яло, я всё придумала! Скорей бежим! — Она потянула подругу за рукав. — Давай попробуем попасть во дворец на этой подводе.

Прихрамывая, девочки догнали подводу, вскочили на неё и забрались под брезент. Там они нащупали несколько корзин с чем-то пушистым и мягким и влезли в одну из корзин.

Через некоторое время подвода остановилась. Девочки почувствовали, что корзину, в которой они спрятались, сняли с подводы и куда-то несут. И оттого, что потянуло горячим воздухом и запахло жареным, они поняли, что их принесли в кухню.

— Что в этой корзине? — раздался чей-то резкий голос.

— Двадцать фазанов, господин главный повар, — хрипло ответил другой. — И такие тяжёлые, что оборвали нам руки!

— Охота была удачная, жаловаться не приходится, — добавил кто-то.

— Поставьте корзину вот здесь, у стены, — последовало приказание, и корзина стукнулась об пол.

В кухне кто-то сновал взад и вперёд, звенела посуда, стучали ножи, было слышно, как на плите дребезжали крышки кастрюль и что-то шипело. Девочки не видели, как по кухне сновали озорные поварята в халатах и белых колпаках,

размахивая половниками, но зато они услышали их весёлую песенку:

Аппетит у. короля,
Ох, велик, тра-ля-ля-ля!
Очень любит кушать он,
Целый день на кухне звон!
Целый день мы варим, варим,
Целый день мы жарим, жарим
И цыплят, и поросят,
И утят, и индюшат!

И соленья и варенья
Королю на объеденье!
Ох, скорей бы, тра-ля-ля-ля,
Разорвало короля!

— Ах вы, пострелята! — зазвучал женский смех.— Вот услышит главный повар вашу песенку — не миновать вам Башни смерти!

Мало-помалу всё стихло. Издалека донёсся голос:

— Тётушка Аксал!

— Да, господин главный повар,— ответил женский голос.

— Разбери фазанов, тётушка Аксал, и вынеси их на лёд.

— Слушаю, господин главный повар.

— А я пошёл спать.

— Спокойной ночи, господин главный повар.

Возле корзины раздались шаги, и фазаны над головами девочек зашевелились.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой Оля и Яло превращаются
в придворных пажей*

— Вот так фазаны! — изумлённо воскликнула тётушка Аксал.— Клянусь всеми кривыми зеркалами королевства, я, старая кухарка, никогда не видела дичи с бантами в косах!

Перепачканные, сконфуженные девочки вста-

ли перед женщиной в белом колпаке, который горой поднимался над её красным добродушным лицом.

— Ах вы, фазанята! Да как же вы попали в эту корзину? Недаром, видно, сказали, что охота была удачная!

— Мы... мы... — сказала Яло, облизывая пересохшие губы, — мы заблудились...

— Заблудились? — насмешливо перебила кухарка. — Однако шутки плохи. Знаете ли вы, фазанята, что вам будет за то, что вы непрошеными явились во дворец?

— Знаем.

— Они говорят «знаем» так спокойно, как будто я их спрашиваю, знают ли они свою маму.

Оля нерешительно выступила вперёд.

— Вы добрая женщина. Вас, кажется, зовут тётушка Ласка?

— Тётушка Аксал, девочка.

— Это одно и то же. Ну, хорошо. Пусть будет тётушка Аксал. Дорогая тётушка Аксал,

вы поймите нас... Мы пришли во дворец... Ах, у нас такое горе! Мы пришли, чтобы...

— Никогда не видела, чтобы люди ходили в корзинах,— усмехнулась кухарка.— Какое же у вас горе, фазанята?

Оля не успела ответить, потому что за стеклянными колоннами раздались чьи-то шаги, и эхо звонко повторило их в огромной пустой кухне.

— Кажется, возвращается главный повар,— сказала тётушка Аксал, и её лицо стало озабоченным.— И какая блоха его укусила? Вот что, фазанята, вам лучше не попадаться ему на глаза. Пойдёмте-ка в мою каморку, а там будет видно, что делать.

По узенькой винтовой лестнице девочки поднялись вслед за тётушкой Аксал в её крошечную комнатку, которая не блистала дорогой мебелью, но была очень опрятна и чиста.

— Вот вода и умывальная чашка. Помойтесь как следует. А в шкафчике есть что покушать. Ведь вы, наверно, голодны?

— Ужасно! — воскликнула Яло.

Кухарка ласково провела рукой по её волосам и сказала:

— Отдыхайте, фазанята, а я скоро вернусь.

Когда тётушка Аксал снова появилась в своей комнатке, девочки уже вымылись и поели. У Яло слипались глаза, и она с ожесточением тёрла их кулаками.

— Ну, а теперь выкладывай-ка мне всё,— сказала кухарка Оле.— Ты, я вижу, будешь покрепче сестрёнки. Смотри, как её разморило. А ведь, если меня не обманывают глаза, вы близнецы?

Выслушав рассказ о мальчике Гурде, тётушка Аксал задумчиво подпёрла подбородок ладонями.

— Доброе у тебя сердечко, девочка,— наконец проговорила она.— Только Гурда спасти трудно. Слышала я, что его уже отвезли в Баш-

ню смерти и заковали в кандалы на самой её вершине. Завтра король утвердит приговор суда.

— А если я очень-очень попрошу короля? Тётушка Аксал грустно улыбнулась.

— Разве ты не знаешь, что наш король сам ничего не решает? Он подписывает то, что сочиняют министры. А министры всегда сочиняют то, что им выгодно. Они только о том и думают, как бы ту же набить золотом свои мешки да устрашить людей. Ах, девочка, как хорошо всё это я знаю! Ведь мой брат работает в зеркальных мастерских Нушрока, а я сама когда-то добывала рис на зеркальных болотах Абажа.

— Абаж? — удивлённо приподняла брови Оля. — Это значит... Жаба?

Кухарка расхохоталась.

— Есть у нас такой министр. О, он такой же жестокий и злой, как Нушрок! Абаж владеет всеми рисовыми полями нашего королевства. Ты права, девочка: он действительно похож на толстую жабу!

— Я всё-таки хотела бы, тётушка Аксал, поговорить с королём.

— Как же это сделать, девочка? — развела руками кухарка. — Даже я не имею доступа в королевские покои. Как же пройдёшь туда ты? Впрочем, постой... Может быть, я что-нибудь и придумаю. А сейчас ложитесь-ка поскорее спать. Утро вечера мудренее.

Девочки очень устали и поэтому даже не заметили, что добрая тётушка Аксал уступила им свою постель, а себе постелила на полу, на старом коврикe. Они сразу уснули и не чувствовали, как старая кухарка укутывала одеялом и ласково шептала что-то, склонясь над ними. Оле приснились зеркальщики, Гурд и человек с лицом коршуна. Во сне она снова услышала песню зеркальщиков:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает.

Но знайте, наши палачи,
Всё ярче Правда расцветает!

Голоса становились всё громче и громче.
И Олино сердце замирало от волнения.

Нас ждут великие дела,
Вы нашей Правде, братья, верьте!
Долой кривые зеркала!
Сожжём, разрушим Башню смерти!

Оля проснулась первой. Тонкие солнечные лучи, словно шпаги, пронизывали стеклянные стены комнатки. Всё сверкало вокруг. В распахнутое окно из королевского парка доносилось пение птиц.

Тётушки Аксал в комнате уже не было. Оля потянулась, зевнула, легко соскочила с постели и вдруг рассмеялась, услышав, как мальчишки-поварята где-то внизу распевают:

Аппетит у короля,
Ох, велик, тра-ля-ля-ля!

Она быстро оделась, помыла лицо холодной водой и сразу почувствовала себя бодрой. Потом она подошла к постели и начала тормошить Яло. Брыкнув ногой и не открывая глаз, Яло проворчала:

— Отстань! Ну что ты ко мне пристаёшь?!

— Яло, пора вставать!

Яло села на кровати и сердито посмотрела на Олю одним глазом.

— Какая ты противная, Оля, даже поспать не даёшь!

Яло долго ходила по комнате и никак не могла отыскать туфли и платье. Туфли почему-то оказались под умывальником, а платье — под кроватью.

— Скорей, Яло,— торопила её Оля.— Сейчас придёт тётушка Аксал.

— Подумаешь!..— буркнула Яло.

— И не стыдно тебе будет перед этой доброй женщиной? Посмотри, какой разгром ты устроила здесь!

— Подумаешь!..

— Что за глупое слово!

— Это твое любимое слово.

— Мне противно смотреть на тебя!

Яло насмешливо фыркнула:

— Вот как! А ведь ты смотришь на себя.

Оля покраснела.

— Я уже... давно не такая,— потупясь, сказала она.

На винтовой лестнице раздались шаги. Тяжело дыша, в комнату вошла тётушка Аксал. В руках у неё был большой свёрток.

— Ну, девочки,— проговорила она, отирая пот с красного лица,— задали же вы мне хлопот, клянусь всеми зеркалами королевства! Но не будь я тётушкой Аксал, если вы сегодня же не будете говорить с королём!

Девочки тихо ахнули.

— Да, да, фазанята! — весело продолжала она.— В этом свёртке костюмы придворных пажей. А пажам, как известно, дорога во дворец открыта. Ну-ка, переодевайтесь!

— Мы будем пажами?! — всплеснула руками Яло.— Ты подумай, Оля, как это интересно! Ты слышишь? О чём ты задумалась, Оля?

— Мне не очень нравится эта затея,— сказала Оля, смущённо взглянув на кухарку.— Вы только не сердитесь, тётушка Аксал. Жаль, что мы доставили вам столько хлопот, но... это получается какой-то обман.

— Что ты говоришь, деточка? Где ты видишь обман? Скажи-ка толком, а то я никак не могу понять тебя.

— Ну, вот эти костюмы. Ведь мы обыкновенные девочки, а все будут думать, что мы эти, ну — как они называются? — пажи.

— Да какой же это обман, деточка?! Это всего-навсего маленькая хитрость. И потом, кто в нашем королевстве не врёт? Может быть, ты

думаешь, что не врёт король или его министры? Да они самые большие вруны!

Оля передёрнула плечами.

— Но я не король и не министр, тётушка Аксал. Я пионерка!

— Не знаю, что означает это слово, деточка, но вижу, что тебя воспитали очень хорошие люди,— растроганно сказала старая женщина.

— Оля,— зашептала Яло,— ты ведь любишь читать старые сказки, а ведь в этих сказках очень часто переодеваются и вообще хитрят.

Оля подумала.

— Ну, уж если я попала в старую сказку, то, пожалуй... Нет, Яло, всё равно это как-то ужасно некрасиво!

— Но Гурд, Оля! Мы должны спасти его!

— Гурд...— вздохнула Оля.— Да, мы должны спасти его во что бы то ни стало! Хорошо, тётушка Аксал, давайте ваши костюмы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой паж с родинкой на правой щеке даёт королю урок арифметики

Два маленьких пажа в бархатных костюмах, с пышно завитыми светлыми волосами вошли в пустынный зал дворца. В зале никого не было. Позвякивая сверкающими тувельками по хрустальному паркету, пажи подошли к огромному обеденному столу и стали по бокам королевского кресла.

— Неужели король будет завтракать один? За этим столом могут усесться пятьсот человек! — сказал паж с родинкой на правой щеке.

— Тсс... кто-то идёт,— шепнул паж с родинкой на левой щеке.— Мне так страшно, что даже коленки подгибаются.

Из-за колонны вышел старец в парчовом камзоле и в чёрных чулках. Он ступал на своих тонких ногах торжественно и медленно.

— Яло, смотри, смотри,— быстро зашептал паж с родинкой на правой щеке,— это тот самый старик, которого мы встретили на городской площади возле фонтана. Помнишь, он рассердился, когда я его назвала дедушкой?

— Помню, Оля,— закивал паж с родинкой на левой щеке.— Он, кажется, назвал себя це... церемониймейстером.

Старик между тем подошёл к пажам, остановился и молча осмотрел обоих. У него слегка тряслась голова.

— Послушайте, пажи,— заговорил церемониймейстер дребезжащим голосом,— вы не видели министра Абажа? Ему срочная депеша.

— Я... я не видела,— пробормотала Оля.

— Я тоже,— замотала головой Яло.

— Пажи должны всё знать! — недовольно сказал старик.— Погодите, погодите, я вас никогда не видел во дворце. Вы новые пажи его величества?

— Да, новые,— пролепетала Яло, сжимаясь от страха.

— Кто же вас сюда поставил?

— Нас? — растерянно спросила Оля.

— Да, да, вас. Так кто же?

— Вы! — вдруг выпалила Яло.

"Это было так неожиданно, что Оля прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Я?!

— Совершенно правильно, вы, господин це... церемониймейстер,— кивнула Яло.

— Хм... не помню. Какая отвратительная у меня стала память! Хм, ну, конечно, это я вас поставил! Что же вы спорите?

— Мы не спорим.

— Молчать! — взвизгнул церемониймейстер и, услышав, как где-то мелодично начали бить

дворцовые часы, закричал: — Главный повар! Главный повар!

Откуда-то выскочил маленький толстенький человек.

— Его величество сейчас должен завтракать. Что приготовлено на завтрак его величеству?

— Господин церемониймейстер, на завтрак его величеству королю Топседу Седьмому приготовлены три жареных кабана, пятнадцать копчёных индеек, десять маринованных осетров, двести яиц всмятку, двадцать фаршированных фазанов, тридцать жареных уток, сто печёных яблок, пятьдесят килограммов винограда, полтонны мороженого и десять ящиков заморского вина.

— Это всё?

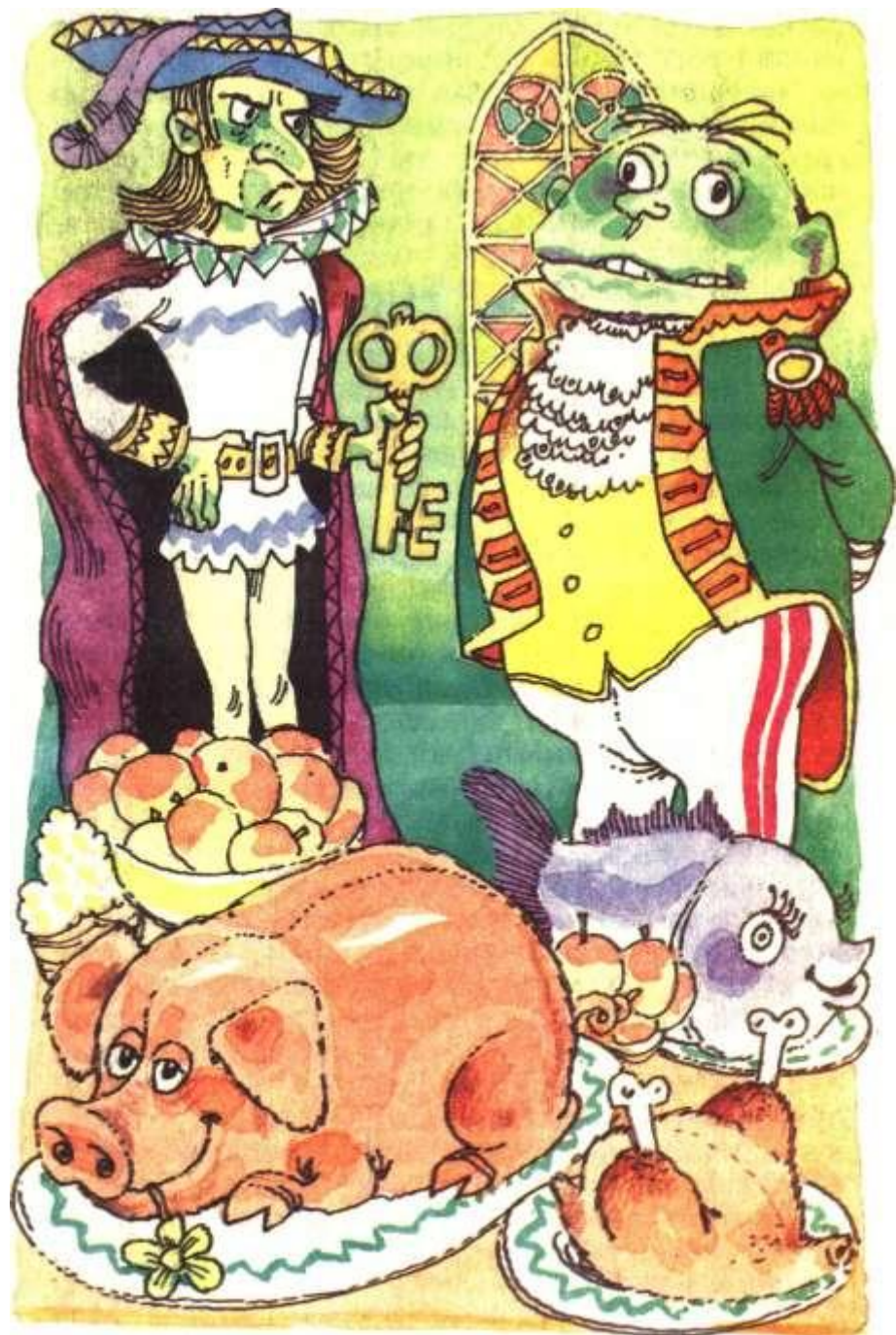
— Всё, господин церемониймейстер...

— Вы с ума сошли! Его величество останется голодным! Прибавьте ещё что-нибудь!

В зале замелькали бесшумные слуги, уставляя стол яствами. Церемониймейстер ушёл, вероятно, чтобы встретить короля. И в это время в зал вошли два человека.

— Нушрок! — с ужасом шепнула Яло.

Главный министр шёл в своём чёрном плаще, из-под которого виднелся кончик шпаги. Рядом с ним двигалось что-то шарообразное. Это был толстый и словно бы состоящий из двух шаров человек, одетый в зелёный костюм, расшитый золотом. Большой шар был туловищем с четырьмя конечностями, а маленький шар — лысая голова с пухлым лицом. Выпуклые зеленоватые прищуренные глаза его прикрывали тёмные и сморщенные, как у жабы, веки. Но когда он медленно поднимал их и широко открывал глаза, в них можно было увидеть ум и хитрость. И тогда казалось, что он вот-вот сделает молниеносный прыжок, словно жаба, высмотревшая на листке зазевавшуюся муху.

Он посмотрел на стол, потом на Нушрока и сказал рокочущим грудным голосом:

— Король пригласил нас на совещание по какому-то важному государственному делу, а сам, оказывается, ещё не завтракал. Послушайте, главный министр, не смотрите на меня! Вы же знаете, что я не переношу вашего взгляда.

— Никто не переносит моего взгляда, министр Абаж! — усмехнулся Нушрок.

— Вы очень любите хвастаться своими глазами, главный министр,— раздражённо пророкотал человек-жаба.— Не лучше ли нам поговорить о деле? Не кажется ли вам, что кривые зеркала уже перестали действовать на наш народ?

— Да, кажется, министр Абаж. Вчера мальчишка-зеркальщик даже разбил одно кривое зеркало!

— Жители королевства обнаглели, Нушрок! Чтобы держать народ в повиновении, пришло время почаще прибегать к устрашению.— Абаж вынул из кармана большой ключ.— Вот что нужно нашему народу!

Чёрные глаза Нушрока сверкнули.

— Что это? Ключ?

— Да, ключ от цепей для моих сеятелей риса. На моих болотах стало очень беспокойно, Нушрок, и я приказал сделать цепи и замок с ключом по вашему образцу.

Нушрок внимательно рассматривал ключ.

— Да, он действительно совершенно такой же, как ключ от цепей на Башне смерти. Это моё изобретение, Абаж! — с достоинством проговорил главный министр.

— Это ваше лучшее изобретение, Нушрок! Башня смерти известна всему королевству.

— Плохо только то, Абаж, что теперь есть второй ключ, которым можно отпирать цепи на Башне смерти.

— Пусть это вас не беспокоит, Нушрок. Мой

ключ всегда находится при мне, а ваш висит над тронном короля.

— Всё равно мне не нравится, Абаж, что в королевстве есть второй ключ,— сухо сказал Нушрок.

Оля и Яло насторожённо прислушивались к разговору министров.

— Ты слышала? — шепнула Оля.— Один ключ висит над тронном короля.

— Слышала,— еле шевельнула губами Яло.

Из-за колонн снова вышел церемониймейстер и, вытягивая шею, торжественно объявил:

— Его величество Топсед Седьмой!

Где-то зазвучали фанфары, и все склонили головы. Окружённый свитой, к столу приближался Топсед Седьмой.

Король не торопился завтракать. Его короткие ножки медленно шаркали по полу. Он шёл, опустив приплюснутую голову на тёмно-зелёный, усыпанный драгоценностями камзол. Толстые, растянутые почти до самых ушей губы Топседа Седьмого шевелились, как будто он разговаривал сам с собой. И, словно в такт своим мыслям, он то и дело взмахивал короткой ручкой с пухлыми маленькими пальцами. Низенький уродец шёл, неуклюже покачиваясь: слабым ножкам трудно было нести тяжёлое тело.

У своего кресла король остановился и поднял голову. У него были бесцветные, ничего не выражающие рыбы глаза.

— На ста площадях по сто зеркал,— сказал Топсед Седьмой.— Сколько же это будет всего зеркал?

Все вокруг почтительно замерли, и король начал по очереди опрашивать своих придворных.

— Вы знаете?

— Запомню, ваше величество. Мне в детстве трудно давалась арифметика.

— А вы?

— Двести зеркал, ваше величество.

- Дурак! А сколько по-вашему?
— Триста, ваше величество.
— Тоже дурак! А что думаете вы?
— Триста пятьдесят, ваше величество.
— Почему триста пятьдесят?
— Я думаю, что если триста неправильно, ваше величество, то, может быть, будет правильно три с половиной сотни.
— Вы дурак с половиной!
— Хи-хи-хи! — захихикал придворный. — Вы так остроумны, ваше величество!
— А сколько будет по-вашему, церемоний-мейстер?
— Три, ваше величество.
— Почему три?
— Ваше величество, простите меня. Когда я был маленьким, меня уронила няня, я ударился головой о паркет...
— Но ведь голова цела? — спросил король.
— Кажется, цела, ваше величество. Но с тех пор я могу считать только до трёх.
— Гм... Это забавно. Сколько будет два и два?
— Три, ваше величество.
— А от пяти отнять один?
— Три, ваше величество.
— Гм... Вы, кажется, самый большой дурак во всём королевстве.
— Совершенно правильно, ваше величество!
Король в глубокой задумчивости пожевал губами, рассеянно сбросил мантию на руки пажу с родинкой на правой щеке и передал шпагу пажу с родинкой на левой щеке. Затем он со вздохом опустился в кресло. Но ел король мало: мысли его были заняты решением сложной задачи!
- На ста площадях по сто зеркал! — раздражённо сказал король, бросая на стол салфетку. — Кто же мне скажет наконец, сколько будет всего зеркал?

Оля слышала, как Нушрок прошептал, наклоняясь к Абажу:

— Может быть, сказать ему?

— Зачем? — таким же шёпотом ответил Абаж. — Пусть занимается своими глупыми подсчётами и поменьше вмешивается в наши дела.

Король поднялся и потряс над головой руками.

— Кто мне скажет?

— Десять тысяч, — раздался тонкий голосок.

Все удивлённо огляделись по сторонам.

— Кто это сказал? — спросил король.

— Я...

Все глаза устремились на пажа с родинкой на правой щеке.

— Клянусь красотой своего отражения, — сказал король, — я впервые слышу, чтобы мальчишка решал такие трудные задачи.

— Но это совсем не трудная задача.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверена... то есть уверен!

— Глупости! — поморщился король. — Это очень трудная задача, и я не сомневаюсь, что ты решил её неправильно. Ведь надо было сложить все сотни, а у тебя на это не было времени.

— Я не складывал сотни. Я просто умножил сто на сто.

— Вот как! Но ведь умножение ещё труднее сложения.

— Ничуть! В этом случае к сотне нужно прибавить два ноля. Если бы вы мне дали бумагу и карандаш, я мигом показал бы вам, как это делается.

— Эй, слуги! Дайте карандаш и бумагу моему пажу! — хлопнул в ладоши король. — Слушай, мальчишка, если ты лжёшь, я велю тебя высечь стеклянными розгами!

— Я думаю, вам не придётся утруждать себя таким неприятным приказанием. Сейчас я решу

эту задачу. Пусть только кто-нибудь подержит вот это пальто.

— Какое пальто? — В глазах короля мелькнуло недоумение.

— Ну, вот это, которое вы сбросили мне на руки со своих... королевских плеч.

— Ах, мантию,— снисходительно усмехнулся король.— Слушай, паж, ты говоришь на каком-то странном наречии. Эй, примите кто-нибудь королевскую мантию у пажа!

Король и паж, отодвинув тарелки, склонились над столом. Разогнулись они не скоро, когда члены королевской свиты уже устало дремали, прислонившись к колоннам, а церемониймейстер всхрапывал так зычно, что можно было подумать, будто в зале ржёт лошадь. Только Нушрок и Абаж бодрствовали. Они сидели в конце стола и о чём-то горячо спорили.

Лицо Топседа Седьмого сияло.

— Прекрасно! Превосходно! — запищал он, возбуждённый открытием.— Поразительно! Это

действительно очень просто! Теперь я могу умножать любые числа. Эй, послушайте!..

Со всех концов зала, протирая глаза, к королю спешили придворные.

— Слушайте, вы! — кричал Топсед. — Знаете ли вы, сколько будет, если умножить... если умножить... ну, хотя бы сто семнадцать на двести четырнадцать?

Придворные безмолвствовали.

— Молчите? А я, ваш король, знаю! Будет одиннадцать тысяч семьсот!

— Гражданин король, — зашептал паж с родинкой на правой щеке на ухо королю. — Вы решили эту задачу неправильно.

Король заморгал рыбьими глазами.

— Что-о? Какой гражданин?

— Простите, я хотела... я хотел сказать... ваше величество, что вы решили задачу неправильно.

— Как — неправильно? Я велю тебя высечь! Ты мне сам только что говорил, что к умножаемому нужно прибавлять два ноля!

— Ваше величество, — упавшим голосом проговорил паж, — я три часа объяснял вам, что к умножаемому нужно прибавлять ноли в том случае, когда оно умножается на десять, на сто, на тысячу и так далее.

— Гм...

— Я готов повторить урок вашему величеству.

— Хорошо, — зевнул король, — только, пожалуйста, после обеда. Ты действительно великий математик. Я подпишу королевский указ о назначении тебя... Как тебя зовут?

— Оля.

— Что-о?

— Его зовут Коля, ваше величество, — быстро заговорил паж с родинкой на левой щеке. — Уж вы, пожалуйста, извините его, видно, он так устал, что стал заговариваться.

— А как зовут тебя, паж?

— Меня зовут Ялок, ваше величество.

— И ты тоже математик?

— Да, ваше величество,—важно кивнул головой паж с родинкой на левой щеке. Но тут же спохватился: — Коля всё-таки посильнее меня, ваше величество. Мы с ним братья и частенько вместе решаем задачи.

— Эй, слушайте все! — сказал король.— Я назначаю Колю главным математиком королевства, а его помощником будет Ялок.

Король собирался ещё что-то сказать, но тут в зал вошёл слуга с подносом и доложил:

— Депеша главному министру!

Сонный церемониймейстер вдруг схватился за голову.

— Господин Абаж, простите меня! Совсем забыл: вам тоже срочная депеша с ваших рисовых полей... Ах, какая память! — Он вынул из-за обшлага депешу и дрожащей рукой протянул Абажу.

Оля видела, что оба министра впились глазами в поданные им бумажки.

— Ваше величество! — высоким, срывающимся голосом вскрикнул Нушрок.— Зеркальщики подняли бунт, избили надсмотрщика!.. Ваше величество, обстоятельства вынуждают меня срочно покинуть дворец.

Оля и Яло многозначительно и радостно переглянулись.

— Ваше величество,— зарокотал Абаж,— мои сеятели риса не вышли на работу! Они требуют хлеба!

Король пожевал губами и сказал глубоко-мысленно:

— Дайте вашим рабочим побольше кривых зеркал, и они успокоятся.

Абаж повысил голос:

— Ваше величество, нам нужны не зеркала, а солдаты!

Оба министра поклонились и вышли из зала. В наступившей тишине было слышно, как стучат по паркету их каблуки.

— И пусть уходят,— сказал король,— терпеть не могу моих министров!.. Коля и Ялок, я повелеваю вам обоим пойти в тронный зал. Я хочу вас посвятить в одно важное государственное дело.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой король посвящает пажей в «одно важное государственное дело»

Золочёный трон был усыпан драгоценностями. Но не эти сверкающие камешки привлекли внимание Оли и Яло. Большой ключ висел над тронном. Ключ от кандалов Гурда!

— Дело в том,— сказал король, поудобнее усаживаясь на троне,— дело в том, что никто не знает, сколько зеркал насчитывается в моём королевстве. Сегодня ты, мой паж, помог мне решить одну часть задачи. В моём королевстве сто площадей, и теперь я знаю, что они украшены десятью тысячами зеркал. Но ведь зеркала имеются не только на площадях — они и во дворце, и на улицах, и в домах моих подданных. Каждый король должен чем-нибудь прославить и обессмертить своё имя. Постигаешь ли ты, паж, какую величественную задачу я призван решить? Потомки будут гордиться Топседом Седьмым, впервые в истории подсчитавшим все зеркала королевства! Готов ли ты принять участие в решении великой задачи?

Паж с родинкой на правой щеке смотрел на короля, с трудом удерживая улыбку.

— Я велю сегодня же отвести тебе и Ялоку лучшие покои во дворце,— продолжал Топсед.— Я назначу вам жалованье, как высшим придворным чинам.

Паж с родинкой на левой щеке хитро взглянул на другого пажа и сказал:

— А можно ли, ваше величество, чтобы жалованье нам платили шоколадом?

— Чем? — удивлённо посмотрел на него король.

— Шоколадом, ваше величество.

— Гм... Ну, разумеется, сколько угодно шоколада, сколько угодно конфет, пирожных, мороженого и прочих сладостей.

Паж с родинкой на левой щеке незаметно толкнул ногой другого пажа и шепнул:

— Соглашайся, Оля. Ты ведь любишь сладкое!

Оля сердито оттолкнула подругу.

— Я считаю, ваше величество...— начала она.

Но Яло перебила её:

— Ваше величество, вы предлагаете нам очень важное дело. Позвольте поэтому, прежде чем дать ответ, посоветоваться нам с братом.

— Да,— сказал король.

Яло отвела Олю в сторону.

— Что ты хотела сказать королю, Оля?

— Что я считаю его предложение глупым занятием, Яло! Лучше бы он подумал, как облегчить жизнь зеркальщикам.

— Если ты так скажешь, он прикажет заковать нас в кандалы.

— Но это на самом деле глупое занятие, Яло! Не могу же я кривить душой!

Яло качнула головой.

— Ты корчишь из себя такую честную девочку, как будто никогда в жизни не говорила никакой неправды.

— Да, я никогда не говорила неправды, Яло!

— Ой, так ли? Я очень хорошо помню, как однажды ты читала сказки. А когда к тебе подходила бабушка, ты прикрывала сказки учебником географии и делала вид, что учишь урок.

Оля так сильно покраснела, что на её глазах выступили слезинки.

— Так действительно было, Яло,— чуть слышно сказала она.— И мне очень стыдно, что я поступала так нехорошо.

— Что-то уж больно быстро ты исправилась,— проворчала Яло.

Оля вспыхнула.

— Уж не думаешь ли ты, что я исправилась оттого, что попала в это противное королевство? Если бы не Гурд, я ни на одну минуточку не осталась бы здесь.

— Странно, как только ты переступила раму волшебного зеркала, ты стала совсем другая.

— Потому что я посмотрела на тебя и...

— То есть ты хочешь сказать, что посмотрела на самоё себя?

— Ну, пусть посмотрела на себя!.. И оттого, что я смотрю на тебя, то есть на себя, мне и делается так стыдно.

— Но как же нам спасти Гурда? — задумчиво сказала Яло.

— Эй, пажи! — услышали девочки голос Топседа.— Вы что-то очень долго совещаетесь.

— Я приму предложение вашего величества при одном условии,— сказал паж с родинкой на правой щеке.

— Гм... ты осмеливаешься ставить мне условия?

— Совсем маленькое условие, ваше величество, и оно вам ничего не будет стоить.

— Я слушаю тебя, паж.

— В Башне смерти заключён маленький зеркальщик по имени Гурд. Завтра утром его должны казнить. Я прошу, ваше величество, помиловать этого мальчика.

Топсед Седьмой вскочил. В его рыбьих глазах сверкнула ярость.

— Ты вмешиваешься не в свои дела, паж! — махнул он короткой ручкой.— Я не могу мило-

вать преступников по твоей прихоти. Я много их казнил! И я презираю всех этих зеркальщиков!

— Какой же он преступник, ваше величество? Он слабый, измученный мальчик!

— Не знаю! Такие пустяки меня не интересуют! Я верю тому, что мне докладывает мой министр Нушрок.

Оля, вспомнив, что говорила тётушка Аксал, горячо сказала:

— Я слышал, что Нушрок заботится только о том, как бы побольше притеснить народ да потуже набить золотом свои мешки! Нушрок — хозяин зеркальных мастерских, ваше величество, и в то же время министр. Вот он и придумывает такие законы, которые ему выгодны.

Король подозрительно взглянул на паж.

— Гм... Где ты всё это слышал? А скажи-ка мне, паж, как называется город, в котором ты воспитывался?

— Этот город называется...— Олины щёки порозовели от волнения.— О, это замечательный город, ваше величество!

Лицо короля исказила гримаса злости, он прыгнул на паркет и, покачиваясь, словно утка, забегал по тронному залу.

— Я объявлю войну вашему городу! А? Я очень люблю воевать, паж!

Увидев улыбку в глазах паж, король вдруг остановился:

— Чему ты улыбаешься, паж?

— Я вспомнил одну басню, ваше величество.

— Какая басня? Я не знаю никаких басен!

— В этой басне рассказывается про слона и моську, ваше величество.

— И что же?

— Однажды по улице шёл слон, и вдруг на него набросилась моська...

— Какая храбрая моська!

— Но слон всё шёл и шёл и не обращал внимания, как она тьякает.

— Глупая собака, надо было укусить слона!

— Но тогда слон просто раздавил бы её, ваше величество.

— Не понимаю, зачем ты мне болтаешь о собаках, паж, когда я говорю о войне. Война приносит славу и добычу!

— Война приносит горе и разорение! Все люди, кроме очень плохих, хотят жить в мире!

— Я обязательно объявлю войну вашему городу! — ещё громче закричал король.

— Но это будет война моськи со слонем! — сердито сказала Оля.

— Как? Ничего не понимаю!

Но тут в спор вмешалась Яло:

— Ваше величество, мы отвлеклись от главного... От зеркал.

Король заковылял к трону, грузно плюхнулся на него и заболтал в воздухе ножками.

— Я не намерен принять твоё условие, паж.

Паж с родинкой на правой щеке задумался.

— Тогда, может быть, я могу просить ваше

величество отложить казнь на несколько дней?

— Гм... Это всё равно не спасёт твоего зеркальщика. Впрочем, пусть будет по-твоему. Я готов отложить казнь на неделю. Он всё равно умрёт раньше от жажды и голода. Итак, начинайте подсчёт зеркал. Если хотите, можете взять для разездов по королевству одну из моих карет.

— Вы очень добры, ваше величество.

Король снисходительно потрепал пажей по щекам. Так как его руки были слишком коротки, ему пришлось подняться для этого на цыпочки.

— Какие вы, однако, симпатичные мальчишки! Вы, должно быть, ужасные лгунишки и жулики! Я очень люблю таких мальчишек! Но, может, вы думаете, что вы красивее меня? А? Я по глазам читаю ваши мысли! А ну, подите-ка сюда! — И король подвёл пажей к огромному вогнутому зеркалу.

Из зеркала на девочек смотрел преображённый король, а рядом с ним стояли два уroda в костюмах пажей.

— Ну, что скажете? — рассмеялся Топсед.— А теперь ступайте и никогда не думайте дурно о своём короле.

Оля и Яло двинулись к дверям.

— Одну минуту,— остановил их король.— Пока вы будете заниматься подсчётом зеркал, я бы хотел предаться своему любимому занятию. Цифры — моя страсть. Нет ли у тебя, паж, какой-нибудь не известной мне задачки? Только я хотел бы что-нибудь такое... в пределах двух десятков. Мне предстоят серьёзные государственные дела, и я не могу утомляться.

— Пожалуйста, ваше величество,— подумав с минуту, сказал паж с родинкой на правой щеке.— Один глупец два дня считал и всё никак не мог сосчитать восемнадцать зеркал...

— Постой,— перебил король и подозрительно

покосился на пажа.— Зеркала считаю я! Почему же ты сказал «глупец»?

— Ах, это просто так говорится в задаче, ваше величество. Но, если это вам не нравится, я могу глупца заменить мудрецом. И так, один мудрец два дня считал восемнадцать зеркал. В первый день он подсчитал в два раза меньше, чем во второй. Спрашивается, сколько зеркал он сосчитал в первый день и сколько во второй? Записали, ваше величество?

— Да, очень любопытная задача... А теперь ступайте и требуйте всё, что вам необходимо, у своих слуг.

— Нам не нужны слуги. Но, если вы разрешите, ваше величество, мы просили бы, чтобы с нами была кухарка вашей королевской кухни — тётушка Аксал.

— Никогда не слышал о такой. Не понимаю, зачем вам нужна грязная кухарка? Но, уж если вы хотите, пусть так и будет.

...Вечером, когда девочки ужинали, тётушка Аксал с тревогой сказала Оле:

— Ты что-то совсем ничего не ешь. Уж не заболела ли ты, девочка? Посмотри, с каким аппетитом ест твоя сестра.

— Я уже сыта, тётушка Аксал. А всё, что лежит на этом блюде, я возьму для Гурда. Он такой больной и худенький!

— Милая моя, вот почему ты не ешь! — всплеснула руками тётушка Аксал.— Уж не думаешь ли, что королю нечем будет позавтракать, если я возьму из кладовой кое-что для мальчика? Клянусь всеми зеркалами королевства, наш Топсед скоро лопнет от обжорства. Сейчас же ешь! Слышишь? Ну, то-то!.. А когда вы отправитесь в Башню смерти?

— Сегодня же ночью... Только пропустит ли нас стражник?

— Ну ещё бы! Ведь вы же королевские пажи.

— Пусть только попробует не пропустить,—

сказала совсем расхрабрившаяся Яло.— Я его так разделаю!..

Оля удивлённо посмотрела на Яло, усмехнулась и покачала головой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Оля и Яло проникают в Башню смерти

Глубокой ночью, наполняя умолкнувший город звоном, по улице промчалась карета, запряжённая четвёркой лошадей. Миновав окраину, она подкатила к огромной башне, тёмный силуэт которой вздымался над городом и исчезал где-то в облаках.

Из кареты легко выскочили две небольшие фигурки. Навстречу им из темноты вышел рослый стражник.

— Именем короля! — крикнул он, взмахивая алебардой.— Здесь запрещено ходить и ездить!

— Подумаешь!..— раздалось в ответ.— Если бы ты и умом был так же велик, как ростом, ты давно понял бы, что перед тобой пажи его величества.

— Простите, господа королевские пажи! — испуганно забормотал стражник.— Кругом такая темень, что и мать родную не узнаешь. Одно мгновение, я сейчас засвечу факел.

Сгибаясь так, что тело его начало походить на букву «Г», стражник открыл перед Олей и Яло тяжёлую дверь.

— В нашем глухом месте редко доводится видеть таких высокопоставленных особ. Только главный министр его королевского величества Нушрок и посещает нас,— продолжал оправдываться стражник.

— Пожалуйста, не кланяйтесь нам так низко,— сказала стражнику Оля.— А Нушрок часто бывает у вас?

— Присутствует при каждой казни.

— Зачем? Неужели ему интересно... это видеть?

— Да неужели вы не знаете? — Стражник огляделся по сторонам и понизил голос: — Он всегда сам и последнюю команду подаёт... Весь трясётся, глаза наливаются кровью. Известно, коршунская порода... А иной раз только смотрит на заключённого, и тот сам прыгает с башни. Вы-то небось лучше меня знаете, что его взгляда никто не выдерживает.

Девочки молча переглянулись.

— Скорее наверх! — шепнула Оля и протянула Яло руку.

Ступени винтовой лестницы глухо зазвенели под их ногами. Через полминуты они очутились в полной темноте.

— Мне страшно, Оля,— зашептала Яло.— Давай вернёмся.

— Вперёд, Яло, вперёд!

Лестница круто уходила вверх. Вспугнутые шумом шагов и светом факела, во мраке заматались летучие мыши, наполняя воздух трепетом и шуршанием. Некоторые мыши проносились так близко, что задевали девочек своими невидимыми скользкими крыльями.

— Олечка, милая, вернёмся!

— Ни за что!

— Я так боюсь темноты... Оля, ведь ты тоже боялась ходить по тёмной лестнице.

— Вперёд, Яло, вперёд!

В темноте блеснули и скрылись два зеленоватых глаза, кто-то дико захохотал и заплакал, и бесконечное эхо полетело по пролётам лестницы, повторяя эти страшные звуки.

— Кто это, Олечка?

— Наверно, сова, Яло. Мне тоже страшно. Очень страшно, Яло!.. Но мы должны идти! Мы должны спасти Гурда!

Гулко звенит лестница. Сколько ступеней осталось позади? Быть может, сто? А быть может,

и тысяча... А вокруг свист и шелест невидимых крыльев, дикий хохот и тяжкие стоны.

— Хочешь, Яло, я расскажу тебе что-нибудь, чтобы нам не было страшно?

— Да, Олечка, расскажи, пожалуйста.

— Слушай... Однажды на сборе нашего отряда... Ох, мне кажется, что это было так давно, Яло! Мы беседовали о том, каким должен быть пионер. К нам на сбор пришёл один старый человек. У него были совсем седые волосы, а лицо весёлое и ласковое. Всю свою жизнь этот человек боролся, Яло, за счастье простого народа. Враги хотели убить его — и не могли. Его заковывали в кандалы, но он бежал из тюрем. Ему было очень трудно, но он шёл и шёл к своей цели. И он нам сказал, что у каждого человека должна быть в жизни высокая цель. И к этой цели надо всегда стремиться, Яло, как бы ни было трудно! И потом, когда этот человек ушёл, мы сочинили песенку о нашем отрядном флажке.

И Оля негромко запела:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперёд, вперёд!» — дала наказ
Любимая страна!

И коль отряд пошёл в поход,
Не отставай, дружок,
Ведь нас всегда вперёд ведёт
Отрядный наш флажок!

Он, словно зорька поутру,
Горит над головой,
Он гордо реет на ветру
И манит за собой.

И сердце бьётся горячей
У каждого в груди,
И мы шагаем веселей,—
Ведь флаг наш впереди!

Как наши деды и отцы,
Идём за рядом ряд.
Нам каждый скажет: «Молодцы,
Хороший ваш отряд!»

А если трудный час придёт,
Не унывай, дружок!
Пусть тьма, пусть ночь,— шагай вперёд
И помни наш флажок!

Оля пела всё увереннее и звонче, и Яло начала робко вторить ей. С каждой секундой голоса их крепли, и весёлое эхо понесло эту песню во все уголки башни.

— Как хорошо, Олечка! «Пусть тьма, пусть ночь,— шагай вперёд!..» Мне совсем не страшно, Олечка!

— Мне тоже, Яло, не страшно! Мне уже совсем не страшно!

Как будто испугавшись песни, умолкла сова, забились в щели летучие мыши. Откуда-то вдруг потянуло ветерком, и над головами девочек блеснули звёзды. Оля и Яло вышли на крышу Башни смерти. Рядом с её вершиной проплывало лёгкое белое облако. Далеко внизу спал стеклянный город. Крохотные домики искрились в лунном свете.

Девочки оглядели площадку крыши и вскрикнули: в центре площадки лицом к звёздам лежал закованный в кандалы мальчик. Оля и Яло бросились к нему, опустили на колени, склонились к его лицу, силясь услышать дыхание мальчика. Лицо и руки Гурда были холодные.

— Мы опоздали, Оля,— прошептала Яло.

Оля, не отвечая, торопливо открыла стеклянную фляжку и брызнула на лицо мальчика водой. У Гурда слабо дрогнули веки.

— Яло! Скорей! Подержи его голову.

Стеклянная фляжка застучала о зубы мальчика. Он сделал судорожный глоток и застонал.

— Гурд, милый, открой глаза... Ты слышишь нас?

— Гурд!

Не открывая глаз, мальчик едва слышно спросил:

— Вы пришли казнить меня?

— Мы твои друзья, Гурд!

— Это мне снится,— прошептал Гурд.— Не уходите только... Снитесь мне ещё!

— Мы спасём тебя! Обязательно спасём, Гурд!

Мальчик с трудом открыл глаза.

— Кто вы?

— Нас зовут Оля и Яло. Только ты, пожалуйста, ни о чём не спрашивай нас сейчас. Ты очень слаб.

— Вы уйдёте?

— Но мы непременно вернёмся за тобой. Мы спасём тебя. Ты должен немного окрепнуть. В этом пакете пища для тебя.

Далеко-далеко на востоке посветлело небо. Девочки поднялись.

— До свидания, милый Гурд!

— Не уходите...

— Мы вернёмся, Гурд!

— Я буду вас ждать,— прошептал мальчик.

Оля и Яло быстро сбежали по лестнице. Они больше не замечали летучих мышей, не слышали хохота и стога совы.

Стражник снял перед ними шляпу. Девочки растолкали уснувшего кучера, и Оля крикнула:

— Во дворец!

Звеня сбруей, лошади помчались по дороге.

Через час, укладывая девочек спать, тётушка Аксал ласково ворчала:

— Ах, фазанята, и откуда у вас столько смелости, добрые вы мои девочки! Всё сердце у меня истрадалось, пока я вас дождалась.

Оля устало потянулась в постели и, уже засыпая, проговорила:

— Тётушка Аксал... там у меня в кармане кусочек замазки. Я сняла слепок, как вы учили, с замка на кандалах Гурда. Пусть же ваш брат, тот, что работает в зеркальных мастерских, сделает ключ. Не забудьте, тётушка Аксал!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой Оля и Яло слышат разговор короля с Нушироком

Поздно утром тётушка Аксал разбудила девочек.

— Король, наверно, скоро захочет узнать, сколько вы насчитали зеркал, фазанята. А мне нужно успеть ещё завить вам волосы.

— Мы сейчас встанем, тётушка Аксал! — сказала Оля, чувствуя, что никак не может открыть глаза.— Ох, как мне хочется спать!

— Ещё бы, не спали целую ночь!

— Ещё несколько секундочек, тётушка Аксал,— умоляюще протянула Оля и вдруг рывком вскочила с постели, взметнув над собой одеяло, и рассмеялась: — Ну, вот и я! Доброе утро!

Она, улыбаясь, попрыгала по комнате, чтобы совсем прогнать сон, но её глаза сейчас же стали озабоченными.

— Вы чем-то расстроены, тётушка Аксал?

— Нет, нет, ничего, девочка.

Яло поднялась вялая и ворчливая. Когда тётушка Аксал завивала ей волосы, она дёргалась и вскрикивала: «Больно!» — а на лице у доброй женщины от волнения выступали красные пятна.

Оля поморщилась.

— Тётушка Аксал, пожалуйста, не обращайтесь на неё внимания, потому что на самом деле ей нисколько не больно.

— Откуда ты знаешь? — проворчала Яло.

— Уж я-то знаю!.. — вздохнула Оля и внимательно посмотрела на кухарку.— Тётушка Аксал, почему вы ничего не говорите нам о ключе? Сделал ли ваш брат ключ для замка на кандалах Гурда?

— Ох, девочки! — горестно покачала головой тётушка Аксал.— Не знаю, что вам и сказать. Ключа нет. Зеркальные мастерские оцеплены королевскими войсками.

Девочки испуганно вскрикнули.

— Что же делать? — Оля сжала руками голову и почувствовала, как у неё на висках под ладонями громко застучала кровь: тук-тук!.. Тук-тук!..

— Гурд погибнет, тётушка Аксал!..— прошептала Яло.

— Нет! — вдруг сказала Оля.— Он не погибнет! Мы возьмём ключ, который висит над тронном короля.

Наскоро позавтракав, девочки отправились в тронный зал. Топсед Седьмой сидел на троне, заваленном бумагами. Белые листы бумаги валялись и на полу. Все они были испещрены цифрами. Лицо короля было мрачным.

— Я всё-таки решу эту задачу, если в ней нет какого-нибудь подвоха.— Он рассеянно посмотрел на вошедших пажей.— Послушай, паж, может быть, в этой задаче тоже нужно прибавлять к числам ноли?

— О нет, ваше величество.

— Хорошо, только не подсказывай мне решение. Я до всего люблю доходить сам, своим умом. Итак, один глупец два дня считал восемнадцать зеркал...

— Мы условились называть глупца мудрецом, ваше величество,— поправила Оля.

— Нет, паж, обдумав всё, я пришёл к выводу, что глупец всё-таки должен быть глупцом. Ведь задачу решаю я, король! А всякий король — мудрец! Не могу же я допустить того, что в моём королевстве будет ещё один какой-то мудрец!

— Значит, глупец считает, а мудрец решает, ваше величество?

— Вот именно, паж.

— Но позвольте, ваше величество, пристало ли вам решать то, что считает глупец?

— Гм... Пожалуй, ты прав. Давай снова заменим глупца мудрецом.

— Значит, мудрец считает, а глупец решает?

— Совершенно правильно: мудрец считает, а глупец решает. Постой, здесь тоже что-то не так.— Король сосредоточенно потёр пальцем переносицу.— Это надо как следует обдумать. Отложим временно задачу. Вы уже начали подсчитывать зеркала?

— Да, ваше величество.

— И много вы уже насчитали?

— Много ли? — переспросила Яло и быстро добавила: — Четыреста восемнадцать тысяч семьсот двадцать девять.

— Молодцы! — Король приподнялся и потёр руки.— Продолжайте свой благородный труд, мои пажи.

В дверях показался слуга.

— Ваше величество, вас хочет видеть главный министр,— объявил он, низко кланяясь.

— Пусть войдёт,— сказал король, и на лице его появилась скука.

Девочки снова увидели Нушрока. Как и раньше, Оля сжалась под его взглядом, чувствуя, как всю её охватывает омерзение и страх. «Какие отвратительные глаза,— подумала она,— и этот крючковатый нос, похожий на клюв!»

В чёрном, поблёскивающем костюме Нушрок твёрдыми шагами подошёл к королю и чуть склонил голову.

— Что привело вас во дворец, мой министр, в такое необычное время? — спросил Топсед Седьмой, зевая и болтая ножками.

— Ваше величество,— пискнул Нушрок,— не стану скрывать: глубокое беспокойство за судьбу королевства тревожит моё сердце.

— Это забавно! — И смех Топседа Седьмого задрезжал в тронном зале.— Я никогда не думал, что у вас есть сердце, Нушрок!

— Мне не до шуток, ваше величество. Меня беспокоит то, что в нашем старом добром коро-

левстве стали меняться порядки, освящённые временем.

Король задумчиво прикоснулся пальцем к переносице.

— Вы говорите правду, мой министр! Наш народ начал скучать. Не наступило ли время развлечься и начать войну?

Круглые чёрные глаза Нушрока сверкнули.

— Что ж, война — это неплохо, ваше величество. Я перестану делать в своих мастерских кривые зеркала и начну изготавливать оружие. Война всегда приносит доход.

— Вы перестанете делать зеркала? — нахмурился король. — Мои кривые зеркала?

— Оружие делать более выгодно, ваше величество.

— Нет, мой министр, этого я не позволю!

Король спрыгнул с трона на паркет и забежал по залу. Оля увидела в глазах Нушрока бешенство.

— В самом деле, как можно перестать делать зеркала? — продолжал Топсед Седьмой, взмахи-

вая ручкой.— Я скорее велю прекратить делать одежду или ещё что-нибудь.

Нушрок нетерпеливо передёрнул плечами.

— Я полагаю, ваше величество, что об этом мы ещё успеем поговорить. А сейчас я приехал к вам по совершенно безотлагательному делу.

— Объясните мне, Нушрок, что это за дело.

— Почему отложена казнь зеркальщика Гурда? — спросил Нушрок, впиваясь взглядом в лицо короля.

— Такова была моя воля,— нерешительно ответил король.

Похолодевшая Оля видела, как растерянно забегали его рыбы глаза.

— Ваша воля? — спросил человек с лицом коршуна, яростно сжимая кулаки.

— Да... Ой-ой, Нушрок, не смотрите на меня! Уф, даже голова кружится. Да не смотрите же на меня, Нушрок!

— Ваше величество! — пищал Нушрок, наступая на короля.— Мне кажется, что вы слишком быстро забыли историю своего рода!

— Что... что вы хотите этим сказать, Нушрок? — дрожа всем телом, бормотал король, забиваясь в угол тронного зала и заслоняя свои глаза ладонью.

— Чтобы стать королевой, ваша прабабка казнила свою сестру, но ваш дед отобрал у неё корону и заточил свергнутую королеву в крепость! — брызгая слюной, кричал Нушрок.— Ваш отец казнил вашего деда, чтобы каких-нибудь два года сидеть на троне. Всего два года! Вы, должно быть, помните: его однажды утром нашли в постели мёртвым. Потом стал королём ваш старший брат. Он слишком мало считался с желаниями своих министров, и вы, конечно, хорошо помните, что с ним произошло. Он поехал в горы и свалился в пропасть! Затем корону получили вы... Возлагая на вас корону, мы надеялись, ваше величество, что вы никогда не забудете о

печальном конце своих предшественников! Не забывайте, ваше величество, что у вас есть младший брат, который, может быть, ожидает того, чтобы...

— П-постояйте,— заикаясь, перебил Нушрока король.— Что я... я должен сделать?

— Прежде всего пореже произносить: «Такова была моя воля», чтобы каким-нибудь образом не свалиться в пропасть, ваше величество!

— Х-хорошо...

— Помните, что у вас нет никакой своей воли!

— Угу... Да, да...— бормотал король.

— Мы дали вам корону! Мы — Нушрок, Абаж и другие богачи королевства. И вы должны выполнять не свою, а нашу волю! Сегодня зеркальщики до смерти избили моего главного надсмотрщика. Виновных так и не удалось обнаружить. Они все действуют в заговоре против меня, а может быть, и против вас, ваше величество. Их может остановить только одно: устрашение! И в это время вы откладываете казнь зеркальщика Гурда!

— Ну хорошо, пожалуйста, пусть его казнят...— услышали девочки слабый голос короля, которого скрывала от них в углу зала чёрная спина Нушрока.

— Яло! Ключ! — шепнула Оля.

Яло решительно подошла к трону, сняла ключ и сунула его в карман.

— Завтра мы объявим о казни Гурда. После завтра сбросим его с башни,— продолжал пищать Нушрок.— Все должны видеть казнь этого зеркальщика!

— Хорошо, мой министр... Сейчас я подпишу указ.

— Вы не должны этого делать! — неожиданно для самой себя вдруг крикнула Оля.

Министр обернулся, и глаза Оли встретились со страшными глазами Нушрока. Она почувствовала, что её сковывает страх.

— Оля, бежим! — срывающимся голосом крикнула Яло.

Оля повернулась и бросилась вон из тронного зала.

— Задержать! — завизжал позади них Нушрок.

Старый слуга у двери попытался схватить Олю, но поскользнулся и растянулся на паркете.

Девочки стремительно бежали по бесконечным залам и переходам дворца. От колонны к колонне, с лестницы на лестницу.

Вот наконец и каморка тётушки Аксал.

— Карету, тётушка Аксал! Скорее карету! У нас ключ!

— Карета у крыльца, девочки. Торопитесь! Время не ждёт. Только не берите с собой кучера. Он может что-нибудь заподозрить. Прощайте, фазанята.

— Прощайте, дорогая, любимая тётушка Аксал! — Девочки нежно поцеловали старую женщину и снова побежали по бесчисленным залам дворца.

У крыльца их действительно ждала карета.

— Кучер,— крикнула Яло,— оставайтесь здесь! Мы хотим управлять лошадьми сами.

Кучер растерянно посмотрел на пажей.

— Да как же так?.. Пажи его королевского величества будут сами управлять лошадьми?

— Ну и что же?

— Это не положено.

— Почему?

— Подумайте сами, господа пажи: такие важные люди — и вдруг сидят на козлах!

— Я не люблю повторять приказаний! — топнул ногой паж с родинкой на левой щеке.

Кучер спрыгнул с козел и передал ему вожжи. Зазвенели подковы, карета стремительно понеслась. Стражники распахнули ворота и удивлённо посмотрели вслед промчавшейся карете.

Как они мчались! Разноцветные дома стремительно неслись мимо.

— Яло, дай мне ключ.

— Сейчас...

Яло лихорадочно порылась в карманах и вдруг всхлипнула.

Оля похолодела.

— Что случилось, Яло? Не пугай меня!

— Оля...

— Ну что, что?

— Оля, я потеряла ключ!

— Потеряла? — вскрикнула Оля. — Где? Когда?

— Не знаю.

— О, Яло, что ты наделала?! — Оля судорожно сжала вожжи. — Нет, это я сама во всём виновата. Ведь ты только моё отражение! Я сама так часто всё теряла. Я потеряла тоже несколько ключей от квартиры.

А лошади неслись всё вперёд и вперёд. Слезы катились из глаз Оли, ветер срывал их со щёк и уносил прочь стеклянной пылью.

— Олечка, давай вернёмся и поищем. Ключ здесь где-то недалеко. Мне кажется, что я даже слышала, как он выпал и зазвенел. Он, наверно, лежит где-нибудь в траве возле дороги.

— Нет, мы не можем возвращаться, Яло. Во дворце, наверно, уже обнаружили пропажу ключа, и за нами гонится стража.

— Что же делать, Оля?

— погоди! — Оля вытерла глаза. — Раз у Нушрока нет ключа, он тоже не сможет открыть замок на кандалах Гурда.

— А другой такой ключ есть у Абажа! — вскрикнула Яло. — Помнишь, он показывал его Нушроку на завтраке у короля?

— Скорей к Абажу, Яло!

— Скорей, Оля!

Оля взмахнула кнутом, и лошади помчались ещё быстрее. Карета кренилась на по-

воротах, и Яло испуганно цеплялась за Олю.

— Оля, мы опрокинемся!

— Какая ты трусишка, Яло!

— Но, Оля...

— Никаких «но»! Ничто не остановит нас — нам цель ясна! Помнишь, как поётся в нашей песенке?

— Цель-то ясна, но как мы доберёмся до неё? Что мы скажем Абажу на рисовых полях?

— Перестань ныть, Яло. Папа мне говорил, что смелость и настойчивость — ключ к достижению цели. Понимаешь? Ключ к достижению цели! Посмотри-ка лучше, нет ли за нами погони.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*в которой Оля и Яло попадают в замок
прекрасной дамы*

Четвёрка холёных лошадей неслась легко и дружно к сверкающим вдали горам. Серебряные подковы мелодично звенели о дорогу, которая терялась в сизом предгорном тумане.

Яло надоело разглядывать поля и зелёные квадраты королевских виноградников, и она зашучала.

— Давай поговорим о чём-нибудь, Оля,— обиженно сказала девочка.— Почему ты всё время молчишь?

Оля нахмурилась.

— Какая ты всё-таки странная, Яло! Ведь Гурд в такой опасности! Я ни о чём другом не могу думать.

Яло покраснела.

— Мы успеем привезти ключ. Вот посмотришь! — сказала она.— Только мне очень хочется есть.

Оля молча хлестнула лошадей. Начались холмы, поросшие высокой стеклянной травой. Ветер позванивал зелёными травинками. Заходящее солнце сверкало в них.

Между холмами там и тут шумели потоки, сбегаящие с гор. На их берегах лежал прозрачный стеклянный песок. Из ущелий на холмы напал туман; он был плотным и белым, как вата.

Оля остановила карету у ручья, чтобы напоить лошадей. Усталая Яло, согнувшись, сидела на козлах. Было очень тихо. Слышалось только, как пел поток да фыркали лошади, отрывая с губ тяжёлые капли.

Оля зачерпнула фляжкой воды и подала её Яло.

— Выпей, может быть, тебе станет легче...

Яло с наслаждением сделала несколько глотков. Вода была чистая и такая холодная, что у неё заныли зубы.

Солнце село, и розовые, насквозь просвечивающиеся громады гор сразу потемнели и нахмурились. Грозные скалы вытягивали зазубренные вершины к небу, на котором уже заблестели первые звёздочки.

Оля и Яло прислушались: в ущелье звонко стучали подковы. Через минуту на дороге показались всадники. Впереди на тонконогой белой лошади скакала женщина. Она была одета в длинное чёрное платье, а за её плечами вился лёгкий шарф. Несколько мужчин, судя по одежде — слуг, следовало за ней.

— Королевская карета?! — воскликнула дама, поравнявшись с Олей и Яло. — Что это значит?

Её мелодичный голос походил на колокольчик, а чёрные сверкающие глаза смотрели из-под больших, загнутых кверху ресниц удивлённо и вопросительно. Белый конь звенел удилами, капризно бил о дорогу копытом.

Девочки растерянно молчали.

— Как вы сюда попали, мальчики? — снова зазвенел голос-колокольчик.

— Сударыня, — сказала Яло. — нам нужно

как можно скорее попасть к министру Абажу.

Оля быстро шепнула:

— Не болтай, Яло!

— К Абажу? Так далеко? — удивилась дама.

— Видите ли, его величество разрешил нам сегодня утром покататься в своей карете. Мы выехали за город без кучера, а вернуться не смогли, потому что... потому что...

— Случилось какое-нибудь несчастье?

— Да, сударыня,— бормотала Яло.— В городе началась такая страшная стрельба, что у нас душа ушла в пятки!

— О трусишки! — рассмеялась всадница.— Его величество, вероятно, решил повеселиться и приказал солдатам стрелять в воздух.

— В том-то и дело, что нет, сударыня. Зеркальщики отказались работать, и королевские солдаты оцепили зеркальные мастерские.

— Что ты говоришь! — Лицо прекрасной дамы стало озабоченным.— Так зеркальщики подняли бунт? А как ты думаешь, мальчик, они не могут двинуться в горы, к моему замку?

— Думаю, что нет, сударыня,— продолжала Яло.— У них пока хватит дел и в городе... И вот мы решили, сударыня, бежать к министру Абажу. Это... это наш дедушка.

— Дедушка?

— Да, сударыня.

— Подумайте, каков этот Абаж! — улыбнулась прекрасная дама.— Он никогда не говорил, что у него есть такие очаровательные внуки! Бедные дети, сколько страха вы натерпелись. Я сразу заметила, что вы очень бледны, особенно ты.— И всадница указала на Олю.

— Мы целый день ничего не ели, сударыня,— вздохнула Яло.

— Бар, скачи поскорее в замок и распорядись, чтобы пажам его величества приготовили хороший ужин.

Яло вопросительно посмотрела на Олю.

— Мы не можем задерживаться, сударыня,— тихо сказала Оля.

— Нет, нет, вы переночуете в замке. Я очень довольна, что выехала на прогулку и встретила вас,— ответила дама.— Не только вам, но и вашим лошадям надо отдохнуть. Путь через горы, правда, не так уж далёк, но очень опасен: вы можете в темноте сорваться в пропасть.

— Мы не останемся,— упрямо повторила Оля.

— Оля,— умоляюще зашептала Яло,— разве тебе не хочется покушать и отдохнуть в хорошей постели?

— Я вас угощу мороженым,— говорила прекрасная дама.— Или, может быть, вы больше любите шоколад?

Яло незаметно толкнула Олю и шепнула, глотая слюнки:

— Шоколад, Оля! Ты же так любишь шоколад!

— Нам нужно торопиться, Яло.

— Только одна ночь, Оля! Всё равно раньше утра мы не попадём к Абажу.

— Нет, мы не останемся.

— Сжался надо мной, Оля. Я больше не могу ехать. Я так устала! Я просто умру от голода, Оля.

— Хорошо,— кивнула головой Оля, сдаваясь.— Сударыня, мы переночуем в вашем замке.

Карета и всадники въехали в ущелье. Темнота плыла им навстречу. Эхо подков зазвенело во мраке. Вскоре девочки увидели зубчатые стены замка. Он был выстроен на вершине скалы, которая поднималась из горной реки. Волны со всех сторон омывали эту скалу. Судя по тому, что шума воды здесь почти не было слышно, река в этом месте была очень глубока. Поток проносился над захороненными в его глубине камнями и порогами неслышно и стремительно, и можно было

подумать, что это не река, а небольшое горное озеро. Только где-то далеко, там, где река снова становилась мелкой, было слышно, как она кипит на порогах.

У ворот замка замелькали факелы и фигуры слуг. Огромный подъёмный мост со скрипом перекинулся со скалы на скалу и повис над рекой. Копыта лошадей звонко зацокали по мосту. Карета въехала во двор замка. К прекрасной даме подбежал Бар, чтобы помочь ей спуститься с седла.

— Вы должны чувствовать себя в замке как дома, дорогие дети,— певуче и ласково проговорила прекрасная дама и, обернувшись к слуге, спокойно добавила: — Какой ты неловкий, Бар! — И, взмахнув хлыстом, ударила им по лицу слугу.

При колеблющемся свете факелов Оля и Яло увидели, как Бар покачнулся и на его лице появился красный рубец. Девочки бросились к хозяйке.

— Не надо!.. За что? Зачем вы его бьёте, сударыня?

Хозяйка изумлённо посмотрела на девочек своими красивыми бархатными глазами.

— Чем вы обеспокоены? Я ударила слугу? Ну так что ж? Как, однако, странно вы воспитаны, мальчики!..— Она пожала плечами и продолжала, словно ничего не произошло: — Этот замок выстроен ещё моим прадедом. Нравится ли он вам?

— Кх... кх,— закашляла Оля.— Так нравится, сударыня, что и передать трудно.

— Бар,— крикнула прекрасная дама своим удивительным голосом-колокольчиком,— пусть подадут ужин пажам его величества!

После ужина в зале со сводчатым потолком, освещённом огнями свечей, прекрасная дама пожелала пажам спокойной ночи. Она протянула им руку, и Оля и Яло догадались, что её нужно

поцеловать. Яло видела, как покривилась Оля, прикоснувшись губами к холёным пальцам.

Затем Бар со свечой в руке провёл пажей в отведённую им комнату. Только несколько полукруглых ступеней отделяли её от зала, в котором они ужинали.

— Вам очень больно, дядюшка Бар? — тихонько спросила Оля.

— А разве вам жалко меня, господин паж? — печально улыбнулся он. — Разве вы никогда не бьёте своих слуг? Никогда я не видел таких добрых господ.

— А как зовут вашу госпожу?

— Анидаг.

— Анидаг? — хмуря брови, протянула Оля. — Это значит... это значит...

— Гадина! — подсказала Яло.

— Гадина! — вскрикнула Оля. — Так вот кто эта прекрасная дама!

Бар вышел. Комната, куда он привёл девочек, имела закруглённые стены и окна со множеством разноцветных стёкол. Оля распахнула одно из окон. За окном было темно и прохладно. Где-то внизу чуть слышно плескалась невидимая вода.

К Оле тихо подошла Яло и остановилась за её спиной.

— А всё-таки приятно быть богатой дамой и иметь в горах красивый замок, Оля?

— И хлыст, чтобы бить им по лицу своих слуг! — зло прибавила Оля. — Как тебе не стыдно, Яло!

Она хотела ещё что-то сказать, но не успела, потому что перед замком зазвучал рог и внизу заметались с факелами слуги. Девочки увидели, как через реку перекинулся мост и во двор въехала карета. Дверцы кареты распахнулись, и из неё вышел Нушрок.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой Нушрок предлагает прекрасной даме
стать королевой*

— Мы погибли! — в ужасе прошептала Яло.— Из этой комнаты есть только один выход — в зал.

— Тише, Яло. Нушрок, кажется, уже в зале.

Девочки стояли у тяжёлой двери и насторожённо прислушивались. Яло взглянула на подругу. Губы Оли сжались, а глаза сощурились, словно она что-то сосредоточенно обдумывала. Яло прикоснулась к её плечу.

— Оля, почему ты так спокойна? Неужели ты не боишься? Научи и меня ничего не бояться.

— Не шуми,— тихо сказала Оля.

— Ну, так я тоже буду смелой! — тряхнула Яло локонами.— Я подберусь сейчас к Нушроку и узнаю, что он там замышляет.

И, прежде чем Оля успела что-нибудь сказать, Яло приоткрыла дверь и юркнула из комнаты. Спустившись на цыпочках со ступеней, Яло увидела на стене колеблющиеся тени Нушрока и прекрасной дамы и притаилась у колонны. Тень Нушрока со всклоченными волосами и хищным, загнутым книзу носом была страшна.

— Если вы не хотите есть,— зазвенел голос прекрасной дамы,— то выпейте немного вина, дорогой отец. Оно подкрепит вас.

— Благодарю вас, дорогая дочь, но у меня мало времени, а сказать вам я должен много.

— Я готова слушать вас сколько угодно, дорогой отец.

— Наступило трудное время, дочь моя,— начал Нушрок,— народ всё чаще отказывается работать и повиноваться нам.

— А кривые зеркала, дорогой отец?

— Народ больше не верит этой выдумке, Анидаг! Только один король приходит ещё в

восторг от этих стёкол. Горожане разбивают кривые зеркала прямо на улицах, не боясь стражников! А зеркальщики начали делать вот это.— Нушрок что-то вынул из кармана и показал дочери.

Яло увидела, как покачнулась на стене тень прекрасной дамы.

— Правдивое зеркало? — вскрикнула она в страхе.— Народ видит правду?! Это ужасно, дорогой отец!

— Да, это ужасно, Анидаг! Мои зеркальщики больше не хотят быть покорными.

— Их надо заставить быть покорными, дорогой отец!

— Зеркальные мастерские уже оцеплены войсками.

— Вы поступили, как всегда, благоразумно, дорогой отец!

— Но это не всё, дорогая дочь! Настало время поставить во главе королевства нового короля.— Нушрок помедлил.— А может быть, королеву...

— О! — воскликнула прекрасная дама.

— Народ очень хорошо знает, что Топсед Седьмой глуп. Его не любят и не признают. Мы терпели его до тех пор, пока всё было спокойно. А сейчас на троне должен быть другой человек — умный, решительный и... красивый.

— Кто же у нас обладает такими качествами, дорогой отец?

— Вы, дорогая Анидаг!

Прекрасная дама порывисто поднялась, и рядом с уродливой тенью Нушрока вырос её стройный силуэт.

— Вы шутите, дорогой отец?

— Нисколько! Разве вы не красивы? Разве ваш голос не звучит как музыка? Какие речи вы сможете произносить с балкона королевского дворца! Постарайтесь только казаться доброй, дорогая. Всё королевство должно знать, что вы

щедро одаряете нищих. И, конечно, не кривыми зеркалами... Для этого надо немного денег— совсем немного! У вас такой же холодный и практический ум, как и у меня, Анидаг. С вашей помощью я прекрасно поведу дела! И буду держать в повиновении всё королевство. Скажите, согласны ли вы, моя дорогая дочь?

Прекрасная дама без слов наклонила голову, и Нушрок прикоснулся губами к её волосам.

— Обстоятельства вынуждают меня немедленно вернуться в город. А вам, Анидаг, надлежит не медля ни минуты отправиться к Абажу. Вы удивлены? Он мой враг, но сейчас мы должны действовать заодно. Вы отвезёте ему вот это письмо, и я не сомневаюсь, что он поддержит нас. Чтобы ускорить свидание с Абажем, я советую вам воспользоваться подземным ходом. Кстати, вы возьмёте у Абажа ключ, который подходит к замку на Башне смерти. Я ему пишу об этом.

— Но какой подземный ход вы имеете в виду, дорогой отец? — удивлённо спросила прекрасная дама.

— Старый подземный ход, построенный предками Нушроков и Абажей. Неужели вы не знаете о нём? Наши предки были связаны когда-то узами рыцарской дружбы и решили соединить свои владения подземным ходом. Он начинается в винном погребе этого замка и оканчивается где-то в саду Абажа.

— Теперь я вспоминаю, дорогой отец... О каком-то подземном ходе мне действительно рассказывали в детстве. Но мне всегда это казалось сказкой. Однако я очень боюсь темноты и крыс, дорогой отец! Право же, я не менее быстро доберусь до Абажа в своей коляске. Тем более у меня есть попутчики: в замке ночуют два королевских пажа, которые тоже едут к Абажу.

— Что? Два пажа? — пропищал Нушрок, и тень его с поднятой рукой на несколько секунд

замерла на стене.— Сегодня два пажа бежали из королевского дворца! Они похитили ключ от кандалов Башни смерти! И я не могу казнить преступника!

— Не может быть! Впрочем, они и мне показались очень странными.

Дрожащая Яло попятилась назад и, споткнувшись о ступеньку, упала. Её ладони гулко шлёпнули по стеклянному полу. Нушрок прыгнул к Яло, схватил её за шиворот и подтащил к столу.

— Само провидение посылает мне в руки этих беглецов! — торжествующе сказал Нушрок, внимательно разглядывая Яло.— Они сразу вызвали у меня подозрение. Сегодня я узнал, что они уже были в Башне смерти. Нужно выяснить, зачем они пробираются к Абажу.

— Ой, не давите мне так руку! — захныкала Яло.— Больно... Ой!..

— Что всё это означает? — изумлённо проговорила прекрасная дама.

— Я думаю, что это такие же пажи, дорогая

Анидаг, как вы прачка. А ну-ка, говори, мальчишка, зачем вам понадобился Абаж?

Яло тряслась и молчала.

— Ну!

— Ой, больно!..

— Сейчас будет ещё больнее, если ты не заговоришь!

— Ой, ой, не давите так руку!

— Зачем вы ехали к Абажу? Где ключ от кандалов?

Яло молчала.

— Слушай, мальчиша, если ты не скажешь...

— Ой! Мы ехали в гости.

— Лжёшь! Если ты мне не скажешь всего, я сейчас поджарю твою руку на этой свечке!

Яло не отвечала. Было слышно, как у неё постукивали зубы. Свободной рукой Нушрок поднёс свечку к руке девочки.

Яло закричала и покачнулась.

— Не надо, не надо! Я скажу...

— Ну?

Яло молчала. Министр снова поднёс свечку к её руке.

— Ой, я скажу! Мы хотели...

— Что вы хотели?

— Ой, как больно!..

— Да говори же, мальчишка!

— Ой... Сейчас... Я ничего вам не скажу, будьте вы прокляты!

Резким ударом Нушрок сбил Яло с ног. В её голове зазвенело, и на несколько секунд она потеряла сознание.

— Мы ещё поговорим с тобой! — злобно пропищал министр.— А сейчас послушаем, что нам скажет другой «паж».— Он быстро поднялся по ступенькам и толкнул дверь в комнату, где находилась Оля.

В распахнутом окне Нушрок увидел готовящуюся к прыжку вниз Олю.

— Стой!..— пронзительно закричал он.

Но Оля уже прыгнула вниз, и подбежавший к окну Нушрок услышал далёкий всплеск воды.

— Обыскать реку! — пропищал Нушрок, выбегая в зал. Слюна разлеталась с его перекошенных яростью губ.— Доставить мне мальчишку живым или мёртвым! А этого заточить в подземелье! Быстреей!

Яло увели. Через час слуги доложили Нушроку, что найти в реке пажа не удалось. Разъярённый Нушрок велел слугам продолжать поиски.

— Вы видите, дорогая Анидаг, что положение всё более обостряется,— проговорил он, тяжело дыша и отирая на лице пот.— Я еду вместе с вами к Абажу! Хотите воспользоваться подземным ходом? Нет? Хорошо, прикажите закладывать вашу коляску. А мои лошади пусть отдохнут.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

*в которой рассказывается о том, как Оля
едва не погибла в водопаде*

Оля хорошо плавала. Спасаясь от Нушрока, она бесстрашно бросилась в реку. Девочка погрузилась очень глубоко и, почувствовав под ногами каменистое дно, оттолкнулась от него. Вода легко вынесла её на поверхность.

Вынырнув, Оля отдышалась и прислушалась.

Вокруг было сумрачно и тихо. Течение быстро уносило её от замка в черноту ущелья, где слышался глухой шум низвергающейся воды. Очевидно, там был водопад. Тогда через несколько минут конец... Оле стало страшно. Девочка торопливо поплыла к берегу, но бороться с течением было очень трудно. Грохот водопада усиливался. Течение сделало резкий поворот. Олю рвануло и ударило головой о подводный камень. На мгновение она потеряла сознание, а когда пришла в себя, увидела впереди, чуть левее того направления, по которому её несло, маленький островок.

Девочка устремилась к нему, напрягая последние силы. Через несколько секунд бурная река выбросила её на островок, оказавшийся огромным камнем.

Оля долго лежала ничком, вцепившись пальцами в камень. Впереди, совсем рядом, бушевал водопад. Вода стремительно срывалась вниз, и облако мельчайших брызг клубилось над потоком.

Девочка подняла голову и увидела листья. Старый дуб, склонившийся над рекой, протягивал к камню, будто руку, свою широкую ветку.

Оля поднялась на ноги и попыталась дотянуться до неё. Но ветка была слишком высоко, и девочка, поскользнувшись, едва не свалилась в воду.

Оля отдышалась и, рассчитав движение, подпрыгнула. Она повисла на ветке и только теперь сообразила, что туфли, наполненные водой, и мокрая одежда будут мешать ей подтянуться к ветке. Как она не догадалась раздеться! Оля беспомощно повисла над камнем. Значит, конец... Оля заскрипела зубами. «Так нет же, нет, обязательно взберусь на дерево!» — подумала она и, собрав все свои силы, забросила на ветку одну ногу. Это было спасением.

С полминуты она висела так, отдыхая. Потом, сделав ещё одно усилие, села на ветку верхом и, осторожно перебирая руками, добралась до ствола. Она уселась поудобнее на толстом суку и огляделась. По берегу к её дубу медленно приближались две человеческие фигуры. Месяц освещал их, и Оля узнала слуг прекрасной дамы.

Слуги остановились в тени дуба. Один из них крикнул, силясь перекричать шум водопада:

— Так ты думаешь, Бар, что он утонул?

— Ещё бы! — прокричал в ответ Бар. — Тут не то что ребёнок, но и взрослый не выплывет. А если мальчик и выплыл, тем лучше. Давай-ка закурим, приятель.

Слуги задымили трубками и вскоре ушли.

Оля быстро спустилась с дерева и зашагала по узкой горной тропинке, насторожённо вглядываясь вперёд. Тёмная тучка, набежавшая на месяц, ушла за гору, всё вокруг засверкало. Оля ободрилась и зашагала быстрее. Но вскоре месяц закатился за гору, тучи заволокли небо, и стало совсем темно.

Впереди мелькнули какие-то тени, сверкнули чьи-то глаза. Послышался противный и надсадный звериный вой.

— Шакалы, наверное... — прошептала Оля.

Девочка остановилась и подняла несколько камней.

— Пошли вон! Пошли вон! — закричала она, швыряя в темноту камни.

Шакалы разбежались. Оле даже показалось, что они поджали хвосты. Она снова пошла вперёд, тихонько напевая пионерскую песенку своего отряда:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперёд, вперёд!» — дала наказ
Любимая страна.

Напевая песенку, Оля словно слышала ободряющие слова друга. Она всё шла и шла. Вот уже порозовели вершины гор, веселее зажурчали горные ручьи. Потом взошло солнце, и Оля остановилась поражённая.

Далеко-далеко внизу она увидела огромное зеркало. Оно начиналось у подножия горы, на которой она стояла, и уходило за линию горизонта, сливаясь с небом. Горы, солнце, облака отражались в зеркале. Это было очень красиво. И всюду девочка видела на голубой глади работающих людей. Оля догадалась, что это были рисовые поля министра Абажа.

Спустившись с горы, Оля остановилась и передохнула. Началось рисовое поле. Но теперь оно не походило на зеркало. Оказывается, это

было самое обыкновенное болото. От него поднимались тёплые гнилостные испарения. В заплесневевшей воде резвились стайки головастиков. На длинных ножках по воде быстро бегали какие-то жучки.

Тропинка сворачивала вправо и тянулась через тростниковый посёлок к высокому холму, на котором сквозь зелень деревьев девочка разглядела красивое здание с белыми колоннами.

«Наверно, это и есть замок Абажа», — решила она и пошла по дороге, мимо тростниковых хижин. На безлюдной улице Оля иногда встречала скучающих стражников и маленьких детей с бледными губами и синевой под глазами. Дети долго и удивлённо смотрели ей вслед, а стражники салютовали алебардами пажу короля.

«Бедные дети, как они бледны! — думала Оля. — Все, кто постарше, наверное, работают на рисовых полях». Она не ошибалась. За посёлком Оля увидела работающих в воде стариков и подростков. И что это? Ей показалось, что несколько голосов негромко пело ту самую песню, которую она уже слышала раньше:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает,
Но знайте, наши палачи,
Всё ярче Правда расцветает!

Олино сердечко забилось быстрее, в груди стало горячо. Она не была знакома ни с одним из этих людей, работающих в гнилой воде, но теперь она знала, что среди них найдёт друзей.

«Однако как я попаду к Абажу? Что я ему скажу? — продолжала размышлять Оля. — Удастся ли мне раздобыть ключ?»

Она потрянула головой.

«Нет, только не надо отчаиваться. Лучше всё спокойнее обдумать. Папа всегда посмеивался над моей торопливостью и любил приговаривать: «Поспесишь — людей насмесишь». Милый папочка, если бы ты видел сейчас свою дочь! Но что

же всё-таки мне делать теперь? Где сейчас Яло? Удалось ли ей вырваться из лап Нушрока? И зачем только мы остались ночевать у Анидаг!» — думала Оля, подходя к замку Абажа.

— Ах, Яло, Яло! Как мне трудно с тобой! — прошептала она. — Но ты всё-таки добрая девочка, и ты моя единственная подруга в этой чужой стране. Как бы я хотела тебя увидеть сейчас!

Оля завернула за угол, сделала несколько шагов и прижалась к ограде замка. Неподалёку у ворот стояла коляска, запряжённая четвёркой лошадей, а на козлах сидел Бар. Оля шла не по дороге, а по горной тропинке и не видела коляски, которая, словно вихрь, пролетела через горы и доставила к замку Абажа Нушрока и его дочь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*в которой Яло убеждается в существовании
подземного хода*

Вот что случилось, прежде чем Бар попал к замку Абажа.

Высоко держа над головой факел, Бар вёл Яло в подземелье.

— Так ты, говорят, зеркальщик, а не паж? Это верно? — спросил он, оглядывая Яло с головы до ног. — И как тебя угораздило связаться с Нушроком?

— Ох, дядюшка Бар, я ни в чём не виноват.

— Верю... Да только для наших господ всё равно, что виновен, что не виновен.

— А что они со мной сделают, дядюшка Бар?

— Думаю, что тебе придётся не сладко, парень... Постой, откуда ты знаешь моё имя?

— Я видела... Нет, я видел, как дочь Нушрока ударила вас по лицу хлыстом и назвала Ба-

— Да, собачья жизнь...— проворчал Бар и в замешательстве остановился.

В каменной стене виднелось несколько дверей.

— Куда же тебя посадить, парень? — нерешительно проговорил он.— Я бы, пожалуй, отпустил тебя на свободу, да только тогда мне придётся распрощаться с жизнью.

Яло быстро сказала:

— А вы не отпускайте меня, дядя Бар, а посадите в винный погреб.

— В винный погреб? — усмехнулся Бар.— Уж не хочется ли тебе отведать старого амонтильядо, которое так любят пить наши господа? Впрочем, в винном погребе ты сможешь хоть посидеть на бочонках... Что ж, идём!

Бар подошёл к одной из дверей и снял с неё огромный замок. Громко закрипели ржавые петли. Бар пропустил Яло в погреб. Это было низкое помещение со сводчатым потолком. Справа и слева стояли потемневшие от времени бочки. Проход между ними терялся в темноте. Пахло сыростью и плесенью.

— Как страшно оставаться здесь одному! — прошептала Яло.

— Я, пожалуй, оставлю тебе факел, мальчуган.

— Спасибо, дядюшка Бар!

— Захочешь спать, подремли на бочках, а то, если ляжешь на каменный пол, в тебя из этих камней вползёт такая лихорадка, что твои кости будут потом всю жизнь скрипеть.

Но Яло было не до отдыха. Как только по ту сторону двери щёлкнул заржавленный замок, она пошла вперёд по проходу между бочками, освещая себе путь факелом.

Проход упирался в глухую стену. Яло разочарованно остановилась перед ней и даже потрогала её пальцем. Стена была холодная и скользкая.

Девочка пошла назад по проходу, внимательно-

но всё осматривая, и снова ничего не увидела, кроме бочек и замшелых стен, освещённых колеблющимся светом факела.

Яло начал пробираться холод подземелья, и она попрыгала, чтобы согреться. Потом снова побежала по проходу и, остановившись у стены, постучала в неё кулаком.

«Где же наконец этот подземный ход? — теряя терпение, подумала она. — Ведь говорил же Нушрок, что он начинается в винном погребе!»

Яло подняла факел повыше, чтобы осветить углы, и попятилась.

— Кто здесь? — испуганно спросила она.

В самом углу, притаившись за бочкой, стоял человек. На нём были металлический шлем и рыцарские доспехи, а лицо закрывало опущенное забрало. В одной руке человек держал щит, на котором Яло разглядела герб с коршуном, а в другой — копьё.

— Почему вы молчите? — тихо спросила Яло, переводя дыхание.

Человек не отвечал. Девочка подняла факел

ещё выше, сиюсь разглядеть его глаза в узкой щели забрала.

— Вы, наверно, стережётэ эти бочки с вином? — помолчав, добавила она.

Человек в доспехах рыцаря упорно не отвечал.

— Не подумайте, пожалуйста, что я хотела попробовать какого-нибудь вашего амон... амонтильядо,— проворчала Яло.— Я терпеть не могу никакого вина!

Человек безмолвствовал, и Яло жалобно проговорила:

— Пожалуйста, скажите хоть одно слово, а то мне становится очень страшно...

Рыцарь, по-видимому, относился к ней с полным равнодушием. В конце концов Яло осмелела и повысила голос:

— Ну и молчите сколько вам влезет! Не думайте только, что я вас действительно боюсь!

Она протиснулась между стеной и бочкой и остановилась подле самого рыцаря.

— Эй, вы! — вызывающе сказала она.— Если вы разучились говорить, так хоть не стойте истуканом и не пугайте девочек. То есть, я хочу сказать, мальчиков...

И затем, уже совсем осмелев, Яло постучала костяшками пальцев в металлическую грудь рыцаря. Доспехи гулко зазвенели, и девочка рассмеялась. Под доспехами никого не было. Металлический человек был пуст, как выпитая бочка.

Улыбаясь, Яло ещё раз постучала по доспехам рыцаря, подёргала забрало, потрогала копьё и наконец со вздохом облокотилась на щит с коршуном.

Щит вдруг сдвинулся с места. Какие-то пружины звякнули внутри рыцаря, и что-то заскрежетало за спиной у Яло.

Она оглянулась и от удивления открыла рот: часть стены опустилась в землю. Факел осветил узкие ступени, круто уходящие вниз.

Это был подземный ход.

Яло быстро спустилась по скользким каменным ступеням и торопливо зашагала по узкому проходу. Вскоре её постигло несчастье: догорел и погас факел.

Отшвырнув факел, Яло пошла вперёд с вытянутыми перед собой руками. С отсыревшего потолка на неё падали холодные капли. Несколько раз Яло чувствовала, как по ногам пробежали крысы.

Бедная Яло, как испуганно билось её сердечко! Но она упрямо шла вперёд и шептала слова песенки:

А если трудный час придёт,
Не унывай, дружок!
Пусть тьма, пусть ночь,— шагай вперёд
И помни наш флажок!

И вот наконец впереди показался слабый свет. Он едва пробивался сквозь щели стены, в которую вдруг упёрся подземный ход. И этот неясный, тусклый свет обрадовал Яло, как солнце. Сбоку она увидела рычаг и поняла, что на него нужно нажать, чтобы открыть проход. Яло уже подняла к рычагу руку, как вдруг услышала голос.

Прислонив глаз к одной из щелей, девочка увидела полукруглые белые перила, затянутые вьющейся зеленью. По-видимому, это была беседка. За беседкой виднелись вершины деревьев, остроконечные стеклянные башенки и крыша огромного здания. Эта беседка была построена, вероятно, на очень высоком месте.

Яло посмотрела в другую щель и увидела Нушрока, Анидаг и Абажа, которые сидели за столиком в больших креслах.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,
в которой Яло встречается с Олей

Яло смотрела на человека, состоящего из двух шаров, кусала губы и вздрагивала от сдерживаемого смеха. Глаза на верхнем шаре были прикрыты сморщенными веками. Абаж о чём-то думал. Нушрок и Анидаг выжидательно молчали. Но вот веки Абажа зашевелились и открыли глаза.

— Я согласен с вами, Нушрок,— наконец сказал Абаж.— Нам нужен новый король. Да, да, новый король!

— Я не сомневался, Абаж, что вы будете моим единомышленником,— ответил Нушрок.— Я лишь сожалел, что вас не было в городе и я не мог посоветоваться с вами.

— Но я не во всём согласен с вами, Нушрок,— замигал веками Абаж.— На троне должен быть мужчина!

Чёрные птичьи глаза Нушрока смотрели зло и вопросительно. Абаж засопел и продолжал:

— Не думаете ли вы, что мы чего-нибудь достигнем, если снимем корону с уродливой куклы и наденем её на красивую куклу?

Лицо Анидаг вспыхнуло от гнева:

— Вы чрезвычайно любезны, Абаж!

— Министр Абаж! — пискнул Нушрок.— Мне кажется, что вы могли бы выбирать другие выражения, когда речь идёт о моей дочери!

Абаж устремил свои хитрые зелёные глаза на Анидаг.

— Я приношу свои извинения вашей прекрасной дочери, если моя откровенная речь ей не совсем приятна. Однако выслушайте меня спокойно, Нушрок. Поймите, на троне должен быть решительный и мужественный человек. Да, да! На троне должен быть мужчина. Тогда зеркальщики не будут засылать своих лазутчиков в наши

замки! А самых беспокойных мы закуём в кандалы и закрём их вот этим ключом! — Абаж вынул из кармана ключ и взмахнул им.

У Яло забилося сердце. Немигающим взглядом она смотрела на ключ.

— Кто же всё-таки, по-вашему, должен быть королём? — спросил Нушрок изменившимся, почти глухим голосом.

— Мой сын, который, если хотите, женится на вашей дочери, — ответил Абаж. — Тогда мы вместе с вами будем управлять королевством.

— Вы хотите устроить получше свои дела, Абаж?

— Так же, как и вы, Нушрок. Мне, например, известно, что вместо кривых зеркал вы хотите начать делать оружие.

— Тсс... Молчите! Кто вам сказал об этом?

— Будьте спокойны, Нушрок. Об этом никто не узнает.

Все замолчали.

— Хорошо, Абаж, я согласен: мы поженим наших детей, — сказал Нушрок. — А теперь дайте мне ваш ключ.

— Зачем вам понадобился мой ключ, Нушрок?

— Королевский ключ пропал.

Зелёные глаза Абажа расширились.

— Пропал? Значит, я единственный обладатель той драгоценности, которая держит в страхе всё королевство?

— Дайте мне ваш ключ, Абаж! — повысил голос Нушрок.

— Я не отдам его так просто! — поднялся Абаж, и его живот заколыхался над столиком. — О, не смотрите, не смотрите на меня, Нушрок!

— Я знаю, Абаж, почему вы не хотите отдать мне ключ! — очень тихим, вздрагивающим от ярости голосом проговорил главный министр.

— Почему?

Нушрок поднялся во весь рост и пропищал:

— Потому что этот ключ подходит к кладовым с государственной казной! — Он вдруг ухватил Абажа за плечи. — Отдайте ключ!

— Не дам! — завопил Абаж, пытаясь сбросить со своих плеч руки Нушрока.

— Нет, отдашь, толстая жаба!

Они схватились, сопя и тяжело дыша, и вдруг рухнули на пол. Ключ со звоном отлетел в сторону. Яло слышала, как завизжала Анидаг, стараясь ухватить Абажа за волосы.

Яло нажала на рычаг. Заржавленные пружины заскрипели, и стена подалась в сторону, увлекая за собой гирлянды вьющейся зелени.

Девочка прыгнула в беседку и подхватила с пола ключ.

— Ключ! — завопила Анидаг. — Ключ!

Но захваченные борьбой Нушрок и Абаж не слышали её.

Яло искала глазами, куда бежать, и почувствовала, что её схватили за курточку.

— Пустите! — рванулась Яло, но пальцы Анидаг уже сжимали ей плечи.

— Нет, ты не уйдёшь от меня! — прошипела Анидаг.

Яло взглянула в её большие чёрные глаза и отшатнулась: «Как она похожа на Нушрока, когда злится!»

Глаза Анидаг налились кровью, и на лице выступили пятна, и заострившийся нос, казалось, приготовился клюнуть.

— Проклятые коршуны! — закричала Яло.— Вы больше меня не запугаете! Пустите, я совсем не боюсь вас!

Девочка рванулась, костюм пажатрещал, и в руках Анидаг остался лишь обрывок рукава. Яло вскочила на перила беседки и свалилась на клумбу цветов.

— Держите его! Держите!..— визгливо закричала ей вслед Анидаг.

Яло обежала большой фонтан, споткнулась, растянулась на дорожке, вскочила и, бросившись в кусты, упёрлась в ограду. Она слышала, как, путаясь в длинном платье, за ней бежала дочь Нушрока. Девочка оглянулась. В развевающемся плаще по ступенькам беседки сбежал Нушрок. Следом за ним катился Абаж.

Яло торопливо взобралась на ограду и, прыгнув вниз, лицом к лицу столкнулась с Олей.

— Яло! Милая!..

— Оля, у меня ключ! — задыхаясь, сказала Яло.

Оля без слов схватила её за руку и потащила к коляске, на козлах которой дремал Бар.

— Дядюшка Бар, дорогой, отвезите нас в город! Завтра должны казнить маленького зеркальщика Гурда,— быстро говорила Оля.— Мы можем его спасти. Умоляю вас, дядюшка Бар!

— Держите его, держите! — доносился из сада пронзительный голос Анидаг.

— Гурд? — спросил Бар.— Я слышал о нём. Это смелый парень. Эх, была не была! Садитесь, друзья!

Девочки вскочили в коляску. Бар взмахнул кнутом. Словно ураган, понеслись вперёд добрые кони.

— Только как это вы опять очутились вместе? — обернулся к девочкам Бар. — Чудеса!

— Мы вам потом всё-всё расскажем. А теперь скорей в город! Пожалуйста, скорей, дядюшка Бар!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Оля освобождает Гурда и побеждает Нушрока

Лошади мчались так быстро, что временами девочкам казалось, будто карета не катится, а летит по воздуху. Страшные пропасти и грозные скалы окружали извивающуюся в горах дорогу, которая, словно по спирали, поднималась всё выше и выше.

Яростный ветер бил в лицо девочек.

— Только бы успеть, Яло!

— Да, только бы успеть, Оля!

— Скорей, скорей, дядюшка Бар!

Оля оглянулась и увидела далеко внизу на дороге крошечного всадника. Плащ всадника, словно чёрное разбойничье знамя, бился на ветру за его спиной.

— Дядюшка Бар! — закричала Оля. — Нушрок гонится за нами!

Бар остановил лошадей и прыгнул на дорогу. Девочки удивлённо посмотрели на него.

На зелёном склоне паслись овцы. Старый пастух в белой одежде словно изваяние стоял над каменистым обрывом, опираясь на посох. Ветер трепал его длинные седые волосы.

Бар подбежал к пастуху, что-то быстро сказал ему, показывая вниз, на чёрного всадника. Старик кивнул головой.

Оля увидела, как старик и Бар начали стал-

кивать вниз камни. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее катятся камни вниз, сбивая и увлекая за собой другие.

Вскоре до слуха девочек донёлся грохот обвала и тучи пыли поднялись над нижней дорогой.

Бар подошёл к девочкам и подмигнул:

— Если эти камешки и не накроют Нушрока, то задержат надолго!

...Рисовые поля, похожие на зеркало, горы с обрывами и скалами, зелёные королевские виноградники остались наконец позади. Город со сверкающими башнями и шпилями приближался с каждой секундой. Ещё издали увидели девочки тёмный силуэт Башни смерти, поднимающийся под самые облака. И Оле вдруг показалось, будто жёлтая тень этой башни лежит на всей стране.

— Скорей, скорей, дядюшка Бар!

— Мы уже въезжаем в город, друзья.

Но вот наконец и Башня смерти. Бар натянул вожжи, лошади остановились словно вкопанные; они храпели, белая пена висела на их удилах. Оля и Яло стремительно выскочили из коляски.

Стражник загородил им путь.

— Простите, ваши сиятельства, но только господин министр Нушрок запретил мне пускать пажей на Башню смерти.

— Что ты, приятель! — похлопал его по плечу Бар. — Разве ты не видишь, что их сиятельства приехали казнить зеркальщика? Посмотри, вон у них и ключ от кандалов.

Стражник пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, коли так — идите!

Девочки, задыхаясь, бежали вверх по лестнице.

— Только бы успеть, Яло!

— Да, только бы успеть, Оля!

Опять во мраке заметались летучие мыши, опять застонала сова... Будет ли когда-нибудь конец бесчисленным ступеням?!

Бледные, с бьющимися сердцами, девочки взбежали наконец на площадку крыши.

— Вот и мы, Гурд!

— Здравствуй, Гурд!

— Здравствуйте! — ответил радостно мальчик. — Я вас так ждал!.. Я верил, что вы придёте!

Сегодня Гурд выглядел куда лучше. Глаза его радостно блестели. Оля склонилась над мальчиком. Замок щёлкнул, звеня, упали цепи.

— Ты свободен, Гурд! Вставай!

Девочки помогли Гурду подняться. Какой он всё-таки слабый! Оля торопливо сняла с себя костюм пажа и осталась в своём школьном платье с красным галстуком.

— Быстрее надень этот костюм, Гурд!

Яло испуганно посмотрела на подругу.

— А как же ты, Оля?

— Я всё обдумала, Яло. Так надо! Стражник подумает, что это я, а не Гурд.

— А ты?

— Я как-нибудь выберусь отсюда, Яло. Я здоровая и сильная. И я очень быстро бегаю... Не беспокойся обо мне.

— Но, Оля...

— Быстрее, Яло! Нельзя терять ни секунды!

Яло и Гурд ушли. Оля слышала, как постепенно удалялся шум их шагов. Она села на площадку и задумалась: что же ей теперь делать? Вернуться домой! Сегодня же! Только бы выскользнуть из этой ужасной башни! Оля легла на живот и подползла к самому краю площадки. Далеко-далеко внизу виднелась карета величиной с ноготок и такие же крошечные лошади. Значит, Яло и Гурд ещё не вышли из башни. Как, однако, долго они спускаются! Ах, наконец-то они показались! Вот они подошли к карете. Вот стражник подсаживает их в коляску. И вот наконец лошади трогаются и несут карету к городу..

Оля облегчённо вздохнула. Теперь и ей можно спуститься с башни.

Она сбежала вниз, прыгая через одну и даже через две ступеньки. Потом, когда скрылось отверстие в крыше и стало темно, девочка пошла медленнее. Несколько летучих мышей задели её своими крыльями. Но она не замечала их.

Ступени, ступени, ступени... И вдруг девочка остановилась: кто-то поднимался ей навстречу.

— Кто здесь? — вскрикнула она.

Человек не отвечал. Девочка слышала только его прерывистое дыхание. Она в страхе пятилась от надвигающегося человека и поднималась всё выше. А когда в отверстии крыши забрезжил свет, она разглядела чёрный плащ и в отчаянии закрыла глаза рукой. Но вместе с отчаянием в ней поднялась волна ненависти к этому отвратительному человеку.

«Нет же, нет, — стискивая зубы, подумала Оля, — я не боюсь его!»

Нушрок вышел следом за Олей на крышу и остановился, увидев цепи, которые лежали на камнях, будто мёртвые змеи.

— Девчонка! — очень тихо сказал Нушрок. — Так это ты освободила зеркальщика?..

Оля не отвечала. Нушрок сделал к ней шаг и продолжал так же тихо, дрожа от ярости:

— Ты полетишь сейчас вниз, девчонка! Под моим взглядом ты сама бросишься вниз! Ну?! Что же ты не опускаешь своих глаз, девчонка?

Оля сжалась, однако, не опустила перед Нушроком своих чистых голубых глаз. Наоборот, она широко открыла их и, не мигая, смотрела в хищные глаза человека-коршуна.

— Нет, я не опущу перед тобой глаз, проклятый Коршун! — вдруг крикнула она. — Я не боюсь тебя, потому что презираю! Я знаю, что ложь никогда не убьёт правду! А правда на моей стороне.

Девочка и человек-коршун застыли в страшном единоборстве. И вот в чёрных глазах Нушрока мелькнул ужас и по лицу пробежала судорога.

Он втянул голову в плечи и стал отступать. И по мере того как сгибался Нушрок, Оля всё больше выпрямлялась, чувствуя, как её охватывает ликование. Ей казалось, что из её глаз вылетают молнии и она пронизывает Нушрока своим взглядом. Лицо Нушрока исказила гримаса. Он пятился всё дальше к краю площадки и наконец не выдержал, опустил глаза и закрыл их ладонью.

— Ага, ты опустил глаза! — торжествующе закричала Оля.— Ты боишься правды, проклятый Коршун!

— Кто ты? — тяжело дыша, спросил Нушрок.— Я никогда не видел таких глаз... И почему меня пугает этот красный галстук? Откуда ты пришла, девчонка? О-о, какие светлые глаза!.. Как страшно! Не смотри, не смотри на меня! Мне душно! Мне нечем дышать! Не смотри-и...

Нушрок сделал ещё шаг назад. Это был его последний шаг. Он сорвался с Башни смерти и разбился на тысячи стеклянных осколков.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, и ПОСЛЕДНЯЯ, *в которой Оля снова слышит голос волшебного зеркала*

Если бы только вы могли видеть, что делалось внизу, когда Оля спустилась с башни!

— Нушрок разбился! Нушрок разбился! — во всю силу лёгких кричал стражник, подбрасывая вверх свою алебарду.— Сколько лет я ждал этой минуты!

Со всех концов города к башне торопились люди. Среди них было множество девочек и мальчиков. В толпе Оля увидела Яло, Гурда и Бара. Они налетели на неё как вихрь и чуть не задушили в своих объятиях.

Потом, расталкивая всех, к Оле протиснулась женщина в белом колпаке.

— Тётушка Аксал!

— Фазанята! Добрые мои девочки!..

Как радостно обнимала Олю и Яло тётушка Аксал! У неё дрожали руки, и она без конца повторяла, всхлипывая:

— Фазанята, славные мои фазанята!

Кто-то закричал в толпе:

— Гурд! Ты жив, мальчик?!

— Друзья! — ответил Гурд.— Эта девочка спасла мне жизнь!

Какая буря приветствий раздалась кругом! А Оля стояла раскрасневшаяся, неловко опустив руки, не зная, куда деваться от смущения.

— Эта девочка,— крикнула тётушка Аксал,— пришла из чудесной страны, где сердца всех людей благородны и отважны!

— Оля! — закричали дети.— Оставайся навсегда с нами!

— Оставайся с нами! — раздавалось со всех сторон.

Гурд посмотрел в глаза Оли и сказал:

— Ты слышишь, Оля?

Неожиданно для самой себя Оля взмахнула косичками и заговорила. И её слабый голосок вдруг стал таким звонким, что его услышали на самых отдалённых улицах города.

— Я не могу остаться с вами, дорогие друзья, потому что нет на свете ничего прекраснее и лучше моей родной страны! Вы, наверно, тоже постройте когда-нибудь такую же светлую жизнь, как в моей стране. Я верю в это, дорогие друзья!

Потом Оля и Яло шли по городу, и все встречали их и расступались перед ними с улыбками и приветственными криками. Повсюду слышался звон стекла. Это горожане разбивали кривые зеркала на площадях и улицах города. И этот звон звучал как музыка.

— Оля, давай споём нашу песенку,— предложила Яло.

Оля кивнула, и девочки радостно запели:
Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперёд, вперёд!» — дала наказ
Любимая страна.

Солнце ярко сверкало над городом, и всё искрилось вокруг. Песню подхватил Гурд. А вслед за ним её начали петь все мальчики и девочки.

Вот наконец и площадь с фонтаном, а вот и стеклянная лестница, уходящая вверх. Оля нежно простилась с тётушкой Аксал, Гурдом и Баром. Сотни мальчиков и девочек прощально махали ей руками.

Оля и Яло медленно поднимались по лестнице. Ступени, словно струны, звенели под их ногами. И вдруг девочки услышали отдалённый грохот. Они оглянулись. Далеко за городом рухнула Башня смерти, а там, где она стояла, в воздух поднялась, всё более разрастаясь, туча чёрной пыли. Весь город неумолчно шумел радостными криками. И девочки ещё раз подняли вверх руки, прощаясь со страной, жители которой перестали верить кривым зеркалам.

На самой вершине холма они раздвинули кусты и выпрыгнули из книги в переднюю. И в ту же секунду Оля увидела у своих ног книгу, на обложке которой было написано: «икзакС». Затем по чистой глади зеркала побежали голубые волны. Она услышала красивый звенящий голос, будто ударились друг о дружку хрустальные стёклышки:

— Ты хочешь вернуться домой, Оля?

— Очень!

— Ты не жалеешь о том, что побывала в Королевстве кривых зеркал?

— О нет, я так благодарна тебе, волшебное зеркало! Ведь я так много видела и так много

поняла! Я раньше даже представить себе не могла, что маленькие недостатки могут так помешать в трудную минуту!

Волны на гладком стекле зеркала успокоились, и голубой туман рассеялся. Стекло исчезло. Осталась только одна рама от зеркала.

— Прощай, дорогая Яло...

— Прощай, Оля! Спасибо, что ты научила меня быть смелой и доброй.

Подруги обнялись и расцеловались.

Потом Оля быстро переступила через раму и оглянулась. По зеркалу уже снова скользили голубые волны. Когда они рассеялись, Оля снова увидела Яло, улыбнулась ей и помахала правой рукой. Яло ответила ей тоже улыбкой и помахала левой рукой.

Скрипнула дверь.

— Опять ты вертишься перед зеркалом! — сказала бабушка, появляясь в передней. — Небось не отходила от него, пока я была у слесаря... Ну, вот я и получила новый ключ. Смотри, больше не теряй его, Оля!

Оля повисла у бабушки на шее.

— Бабунечка, родненькая, здравствуй, как я рада!

— Батюшки! — растроганно и немного растерянно сказала старушка. — Что это с тобой? Как будто год не виделись, а расстались-то всего десять минут назад.

— Как ты запыхалась, бедненькая! И почему я сама не пошла за ключом?

— Да ведь ты же боялась темноты.

Оля горячо поцеловала бабушку.

— Что с тобой, девочка? Чем ты так взволнована?

— Я тебе всё, всё расскажу.

— Да что случилось?

— Я просто, бабушка...

— Ну что? Что?

— Я просто... посмотрела на себя со стороны.

Обняв растроганную, улыбающуюся бабушку, Оля украдкой взглянула в зеркало и снова помахала рукой Яло. И странно: ей показалось, что Яло запоздала ответить ей таким же движением и, замешкавшись, смахнула со щеки слезу. Впрочем, всё это, конечно, Оле только показалось.

